

П. А. В.

132

895.

Экз. 2-я.

ЖИЗНЬ

ПЛАТОНА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ.

№ 28348.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.

СОВСЛЕННАЯ ТИПОГРАФІА.

1900.

Б 10

П 37

ЖИЗНЬ

132

695.

Экз. 2-ш.

ПЛАТОНА,

Библиотека Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Адрес: 30, М. Б. мн.

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

№ 26346.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 195148

СВЯТО-ТРОЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1900.

137
222
Экз. 2-я

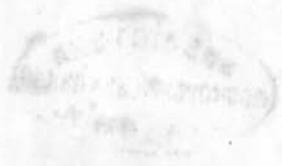
ЖНЗНЖ

А Н О Т А Ц И Я

Центральный книгоиздательский фонд
при отделении книгоиздательства
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина

Печатать дозволяется. Виена. Сентября 12 дня, 1900 года. Цензор,
Ректорь Виенской Духовной Семинарии,

Протоіерей А. Бляезь.

ЖНЗНЖ

Центральный книгоиздательский фонд
при отделении книгоиздательства
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина

ПЛАТОНЪ
Митрополитъ Московскій.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА, Митрополита Московскаго.

Митрополитъ Московскій Платонъ безспорно занимает первое мѣсто въ ряду іерарховъ, украшавшихъ русскую церковь въ половинѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Имя Платона пользовалось и до сихъ поръ пользуется большою извѣстностію въ русскомъ народѣ. Посѣщающіе Лавру преподобнаго Сергія считаютъ своимъ долгомъ побывать и въ основанной митрополитомъ Платономъ Виѣанской обители, поклониться предъ гробомъ святителя и помолиться о упокоеніи его души, посѣтить и его келліи, гдѣ все живо напоминаетъ о великомъ іерархѣ и его времени.

Знаменитый іерархъ былъ происхожденія незнатнаго. Незначительное село Чашниково, находящееся въ 40 верстахъ отъ Москвы по большой петербургской дорогѣ было его родиною; бѣдный сельскій причетникъ Егоръ Даниловичъ и его супруга Татьяна Ивановна были его родителями. Незначительные по своему общественному положенію и не богатые по средствамъ родители митрополита Платона возвыша-

лись надъ многими и были богаты добрыми душевными качествами.

Въ своей автобіографіи *), изображая свою жизнь съ самаго рожденія, митрополитъ Платонъ описываетъ и душевныя качества своихъ родителей, чтобы показать „что родителей свойства и во нравахъ рожденнаго отъ нихъ нѣкоторымъ образомъ были видимы“. „Отецъ Платона, Георгій, пишетъ онъ, былъ свойства горячаго, но простосердечнаго и откровеннаго; лести не знающій и отвращающійся оной; также не корыстолюбивъ; особливо низкимъ образомъ приобрѣтаетъ почиталъ себя противнымъ и въ другихъ предосудительнымъ. А мать Татіана, бывъ благоразумна и рассудительна, была горяча къ дѣтямъ и о добромъ ихъ воспитаніи, опрятномъ содержаніи весьма пеклася; наипаче, бывъ сама набожна и благочестива, и дѣтей приучать богомолію и страху Божію первымъ долгомъ почитала. Была домостроительная хозяйка и щадила малое дома содержаніе, чтобъ ничего не издержать на что-либо излишнее. Чрезъ что, хотя домъ былъ и не богатый, однако ни въ чемъ нужномъ, что до пищи, питія и одѣянія, не скудный; почему и дѣтей своихъ въ лучшей содержала опрятности, нежели другіе, содержаніемъ бывъ богатѣе. Нравовъ была благородныхъ, не любила низости, и чтобъ во всемъ сохранить свою честь и отъ другихъ почитаніе заслу-

*) Митрополитъ Платонъ самъ написалъ свою біографію. Составленная митрополитомъ и писанная имъ собственноручно автобіографія его была продолжена (съ 1810 г. по 1 ок. 1812 г.), по его порученію намѣстникомъ Лавры и архимандритомъ Введенскаго монастыря Самуиломъ Запольскимъ Платоновымъ. Двѣ рукописи, заключающія въ себѣ автобіографію Платона были присланы епископомъ Костромскимъ Павломъ митрополиту Филарету въ 1834 г. и имъ переданы въ ризницу Троицкой Сергіевой Лавры. Напечатана была автобіографія Платона нѣсколько разъ. Последнее изданіе автобіографіи Платона (1887 г.) принадлежитъ ректору Московской Духовной Академіи С. К. Смирнову.

жить, была всегда расположена. Службы Божіей почти никогда не оставляла; нищихъ, по возможности всегда одѣляла, съ нѣкоторымъ своимъ удовольствіемъ, и едва когда просящему отказывала. Была трудолюбива и воздержана, а тѣмъ и здравіе хранила, и продолжила жизнь до 70 лѣтъ; и долѣе, можетъ быть продолжилась бы жизнь ея, ежели бы свирѣпѣвшая въ 1771 году въ Москвѣ заразительная язва жизни ея не преекъла, и погребена Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. А отецъ священникъ Георгій, погребенъ въ Москвѣ же, при церкви приходской у Спаса во Спасской *).

Въ доброй и благочестивой семьѣ Левшиныхъ 29 іюня 1737 года произошло радостное событіе—рожденіе сына Петра, впоследствии знаменитаго іерарха Платона. Обстоятельства его рожденія остались памятными для родителей, вѣроятно потому, что въ нихъ они усматривали особыя предзнаменованія и записаны Платономъ въ его автобіографіи. „Родился пишетъ онъ, іюня 29 дня, дня—посвященнаго празднованію первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, при самомъ восходѣ солнечномъ, и въ самый тотъ часъ, когда отецъ его, по должности своей причетнической, ударилъ въ колоколъ къ утренней службѣ, и услышавъ въ ту же минуту, что родился ему сей сынъ, оставивъ звонъ, потекъ отъ радости узрѣть родившагося. Сіе другіе услышавъ, то есть, что на-

*) Отецъ митрополита Платона поступилъ изъ Чашникова во священники въ село Глухово, Дмитровскаго уѣзда, а отсюда перешелъ въ село Лилицы, Серпуховскаго уѣзда. Изъ Лилицъ поступилъ въ Москву викарнымъ священникомъ сперва къ церкви Николая Чудотворца, что у Красныхъ колоколовъ, потомъ къ церкви Спаса, что во Спасскомъ. Последніе годы проживалъ у сына своего діакона, той же Спасской церкви, Тимофея Левшина. Скончался въ 1760 г. и погребенъ при Спасской церкви, гдѣ до сихъ поръ хранится его могила.

чался звонъ и вдругъ пересталъ, удивились и узнавъ тому причину, сорадовались обрадованному отцу; а можетъ быть, что-либо изъ того заключили. Но, крайней мѣрѣ, Петръ, а послѣ Платонъ, что онъ родился въ день великихъ церкви учителей и проповѣдниковъ, что при самомъ восходѣ воссіявшаго солнца, что при звонѣ, созывающемъ всѣхъ христіанъ на службу Божию и что послѣ онъ удостоился быть и учителемъ церкви, и проповѣдникомъ Евангелія, и пастыремъ Христова стада, съ нѣкоторыми противъ другихъ отличными обстоятельствами, чрезъ всю жизнь свою почиталъ сіе особливо счастливымъ и благодатнымъ судебъ Божіихъ предзнаменованіемъ“.

Обрадованные рожденіемъ мальчика, красиваго лицомъ и здороваго, родители Петра, особенно мать, которая, по словамъ Платона, „взирала на него, яко на даръ Божій“, прилагали особенное попеченіе о его воспитаніи. Едва ребенокъ началъ говорить, мать начала ему внушать имя Божіе, научила молитвамъ и такимъ образомъ посѣяла въ душѣ его сѣмена того глубокаго благочестія, которое отличало его во всю жизнь.

„На шестомъ году отъ рожденія, пишетъ Платонъ въ своей автобіографіи, начали Петра обучать грамотѣ: азбукѣ, часослову и псалтири, а потомъ писать, каковой общій былъ тогда обученія порядокъ для всѣхъ нашего состоянія отроковъ. Петръ былъ весьма понятенъ: и удобно и скоро все изучивалъ. И хотя иногда къ отроческимъ играмъ и рѣзвостямъ былъ нѣсколько склоненъ и отъ ученія затѣмъ въ нѣкоторые часы удалялся, но за то отъ отца былъ наказыванъ, съ большею, можетъ быть, строгостію, нежели бы возрастъ лѣтъ и живость младенческаго свойства позволяли; однако и сію строгость матернія ласковыя увѣщанія приводили въ умѣренность. Изучился мла-

денецъ грамотѣ и писать чрезъ два года, и на осьмомъ году уже въ церкви не только читалъ, но и пѣлъ церковные обыкновенные стихи, ибо и въ пѣніи по одной наслышкѣ столько успѣлъ, что на томъ же году могъ уже одинъ безъ помощи другаго, на клиросѣ отправить все пѣніе Божественной литургіи. Ибо и голосъ имѣлъ свѣтлый и пріятный, и къ пѣнію особенную склонность, и въ церкви, на всякой службѣ Божіей быть, его особенно веселило; о каковой его къ церкви и къ службѣ ея отличной склонности послѣ не умолчу. И за таковое въ таковыхъ лѣтахъ преуспѣаніе, и охоту къ чтенію и пѣнію, и прибѣжище къ церкви, а при томъ за свой всегда веселый и ласковый нравъ, и отъ родителей и отъ стороннихъ былъ любимъ и похваляемъ и выхваляемъ“.

Когда Петру исполнилось десять лѣтъ, отецъ его, въ то время бывшій священникомъ въ селѣ Липицахъ, Коломенской епархіи, рѣшилъ Петра вмѣстѣ съ братомъ Александромъ отвести въ Москву, гдѣ старшій ихъ братъ Тимоѣей былъ пономаремъ при церкви Софіи Премудрости Божіей, и опредѣлить въ Московскую Славяно-греко-латинскую Академію *). Но это намѣреніе родителя встрѣтило затрудненіе, которое могло неблагопріятнымъ образомъ отразиться на послѣдующей судьбѣ Петра Левшина. Когда Егоръ Даниловичъ подалъ прошеніе въ Московскую Духовную Консисторію объ опредѣленіи его дѣтей въ академію, то секретарь сего прошенія не принималъ, говоря, что ему, какъ находящемуся въ Коломенской епархіи, надлежитъ дѣтей отдать въ семинарію Коломенскую. „Но отецъ неотступно просилъ, рассказываетъ митрополитъ въ своей автобіографіи. Секретарь

*) Славяно-греко-латинская академія помѣщалась въ Заиконо-спасскомъ монастырѣ.

два и три раза отказывалъ. Отецъ два и три раза настоялъ сильно. Напоследокъ секретарь, и утруженный и удивленный такимъ настояніемъ, предъ всеми сказалъ: Ну! ты прямо отецъ дѣтямъ; здѣсь мы не можемъ обирать денегъ отъ священниковъ, кои просятъ, чтобы ихъ дѣтей въ школу не брали: а отъ тебя не можемъ отвязаться, чтобы дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить. И такъ принялъ прошеніе, доложилъ присутствующимъ. Послано сообщеніе въ Коломенскую епархію, что увольняются ли они для обученія въ Московскую академію. Тамъ охотно уволили и прислали въ сей силѣ соотвѣтствіе.

И такъ Петръ и братъ его меньшій, Александръ (который послѣ былъ діакономъ въ Москвѣ, у Спаса въ Спасской, а потомъ священникомъ у Николая въ Хамовникахъ, а послѣ протопопомъ у Спаса на Бору, а наконецъ протопопомъ Большаго Успенскаго собора и Синода членомъ и кавалеромъ, который тамъ и преставился 1798 года), опредѣлены въ Московскую греко-латинскую академію; а жительствоваали при братѣ своемъ Тимоѳеѣ, при церкви Софіи Премудрости Божіей. По приведеніи въ академію, предстали предъ префекта, который тогда былъ Іоаннъ Козловичъ, бывшій послѣ Донской архимандритъ, и наконецъ Переяславскій епископъ; и тамо умре. Префектъ ободрилъ представшихъ предъ него отроковъ, сказавъ: *дѣтки, учитесь, послѣ протопопове будете*. И сіе сбылось его пророчество: одинъ и подлинно сталъ протопопомъ, а другой протопоповъ начальникомъ.

О своемъ обученіи въ академіи, занятіяхъ, образѣ жизни, характерѣ и душевныхъ наклонностяхъ юношескихъ лѣтъ любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ Платонъ въ своей автобіографіи. „По опредѣленіи въ академію, изучился Петръ въ двѣ недѣли читать и писать по-латынѣ. Потомъ переведенъ въ еару, или

или низшій грамматическій классъ *), гдѣ бывъ годъ переведенъ въ грамматику, по прошествіи года, въ синтаксиму, или высшій грамматическій классъ, чрезъ годъ въ піитику; по прошествіи года въ реторику, гдѣ бывъ два года переведенъ въ философію; а чрезъ два года уже и въ богословію. Учителя его были въ еарѣ—Григорій Аванасьевичъ Драницынъ, который въ монашествѣ Геннадій, послѣ былъ академіи префектомъ и ректоромъ, и потомъ Суздальскимъ епископомъ, гдѣ и преставился. Въ грамматикѣ іеродіаконъ Лаврентій Чепелевъ, который въ Иркутскѣ въ изгнаніи преставился. Въ синтаксимѣ помянутый же Драницынъ. Въ піитикѣ іеромонахъ Амвросій Юматовъ, который послѣ былъ архимандритомъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, гдѣ и преставился. Въ реторикѣ іеромонахъ Кириллъ Григоровичъ, который окончилъ жизнь свою несчастливо. Въ философіи и богословіи помянутый же Драницынъ или Геннадій.

Обучался Петръ Левшиновъ (ибо такъ онъ прозывался) латинскому языку и помянутымъ наукамъ: піитикѣ, реторикѣ, философіи и богословіи. Притомъ обучился самъ собою географіи, а знаніе исторіи приобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему въ академіи порядку, греческому языку обучались ученики особо, чрезъ два года по окончаніи синтаксиса, и изъ греческаго класса переводимы были въ піитическій; чрезъ что латинскаго языка ученіе прерывалось. По желанію учителя піи-

*) Въ еарѣ, вѣзшемъ академическомъ классѣ, преподавались начатки латинской грамматики.

тического, чтобъ Петра имѣть у себя въ классѣ, греческій классъ онъ миновалъ; а чрезъ то и лишился знанія греческаго языка. Но дошедъ до философіи и увидѣвъ, что по многимъ встрѣчающимся греческимъ словамъ, языка сего знаніе нужно, а притомъ, примѣтивъ, что нѣкоторые товарищи его, впрочемъ въ успѣхахъ ученія и худшіе его, но греческій языкъ хотя нѣсколько знаютъ и тѣмъ предъ нимъ преимуществуютъ, симъ чувствительно тронуть былъ Петръ, что онъ, товарищей въ наукахъ превосходитъ, но знаніемъ сего языка предъ ними яко унижался. Почему горячо принялся, чтобъ сіе желаніе свое выполнить. Но много встрѣчалось затрудненій.

Не было грамматики греческой, купить было не на что; да и учить некому. Но чего не преодолеваетъ горячее прилежаніе и тщаніе? Выпросилъ на время у товарища грамматику греческую на латинскомъ языкѣ, сочиненную архимандритомъ Варлаамомъ Лашевскимъ, и оную всю переписалъ, а чрезъ то и писать по гречески изучился, какъ бы срисовывая буквы греческія съ печатныхъ: почему и почеркъ его письма по гречески былъ сходенъ съ греческимъ печатнымъ. Доставъ такимъ образомъ грамматику, началъ самъ себя по ней учить; себѣ уроки задавать; самъ себя выслушивать; самъ себя или похвалять за прилежаніе, или осуждать за нерадѣніе. А какъ мѣста случались, кои онъ выразумѣть не могъ, о томъ приходя въ школу, у товарищей своихъ, знавшихъ греческій языкъ, спрашивалъ, и чрезъ то вразумлялся. Потомъ и задачи къ переводу съ російскаго на греческій самъ себѣ задавалъ, а о словахъ греческихъ спрашивалъ у товарищей и записывалъ; и потому дома сочинивъ, показывалъ товарищамъ, кои, прочетши, или похваляли, или

поправляли, чрезъ что по малу и успѣвалъ Левшиновъ. Но какъ сего было не довольно, ибо затруднительно, то вздумалъ онъ ходить въ греческій монастырь, близъ самой академіи стоящей, на службу Божию, сколько время позволяло, и со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію грековъ, и сіе много Петра выпользовало. Ибо и слова нѣкоторыя понялъ, и нѣкоторое ихъ сложеніе примѣтилъ, а паче правильное ихъ произношеніе перенялъ, да и пѣнію ихъ нѣсколько научился. А потомъ, когда сталъ учителемъ въ академіи, имѣлъ свободный случай съ греками нерѣдко обходиться, а чрезъ обхождение, разговаривая съ ними хотя худо по гречески, но чрезъ то себя поправлялъ, и нечувствительно большій успѣхъ пріобрѣталъ. Ибо уже могъ нѣкоторыя не трудныя на греческомъ языкѣ книги читать и разумѣть, и съ греками сколько нибудь, хотя не совершенно, разговаривать, не попросту, *ἀπλά*, какъ греки говорятъ, но по еллински. А потому уже будучи въ академіи пѣтикой учителемъ, обучалъ учениковъ греческой грамматикѣ; и всегда съ удовольствіемъ Петръ о себѣ говорилъ, что онъ на греческомъ языкѣ *ἀντοδιδάκτορ*, т. е. самъ себѣ учитель; и сіе услажденіе была истинная награда за не малые его въ изученіи греческаго языка труды.

Въ прочихъ же во всѣхъ наукахъ, въ академіи преподаваемыхъ, былъ Левшиновъ отлично успѣшенъ, и изъ всѣхъ товарищей всѣми былъ особенно любимъ отъ учителей за прилежаніе, за всегдашнее въ школу хожденіе, за отличный во всемъ успѣхъ и за благонравіе. А притомъ, какъ онъ изучился партесному пѣнію, и имѣлъ голосъ пріятный, и зналъ въ пѣніи искусство, то и сіе любовь къ Петру учителей умножало. А товарищи его любили за добрый и веселый нравъ и словоохотливость, съ нѣкоторою

всегда пристойною шутливостію. Но Богъ его сохранялъ, что никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился и не бранился. Ибо имѣлъ нравъ мягкосердечный, и въ случаѣ уступчивый, и стыдливый.

Но какъ между тѣмъ Петръ поступалъ въ домашнемъ обхожденіи и въ чемъ упражнялся? Жилъ онъ при помянутомъ братѣ своемъ Тимоѳеѣ, который былъ діакономъ у Спаса во Спасской, гдѣ вмѣстѣ жили и родители его. Петръ, исправивъ задачи, назначенныя отъ школы, дома упражнялся въ чтеніи книгъ и въ хожденіи въ церковь на службу Божію. Всегда онъ, чрезъ всю жизнь, сожалѣлъ, что тогда въ академіи другимъ наукамъ и языкамъ не обучали, въ коихъ онъ конечно сколько нибудь предспѣлъ бы. А паче сожалѣлъ, что превеликую имѣлъ охоту къ чтенію, но книгъ дома никакихъ не было, купить было не на что, изъ академіи никакихъ книгъ не давали. Почему Петръ, чтобъ утолить жажду свою, читалъ всѣ книги, какія въ церкви могли найтись, яко то: Четив-Минеи, Прологи, Камень Вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ Духовный, Вечерю, Исторію Баронія, а паче всего посланія ап. Павла, коими столько восхищался, что ихъ можетъ быть, болѣе двадцати разъ прочиталъ, и никто ему столько не нравился, какъ сей великаго имени и духа мужъ и св. Іоаннъ Златоустъ. А къ лучшему знанію въ латинскомъ языкѣ много ему послужила книжка Цицеронова о должностяхъ; De officiis, которую мать, ходя по площади, и сама не зная, для него купила, а другая Исторія Курціева, которую онъ выпросилъ у товарища для прочитанія. Онъ ихъ съ жадностію великою читалъ, и по особенной склонности, и по неимѣнію другихъ книгъ, многократно ихъ чтеніе повторялъ; особливо услаждался пресладостнымъ и остроумнымъ слогомъ Курція; и казалось ему, что

языкъ, коимъ говорилъ Курцій, есть яко выше челоувѣческаго, поелику подобной сладости и остроты и умныхъ переверотовъ ни въ какомъ російскомъ писателѣ найти ему не случалось, или такъ вкусу его нравилось.

Итакъ въ чтеніи книгъ Левшиновъ препровождалъ домашнее время, а притомъ никогда не оставлялъ ходить въ церковь, когда отъ школъ было свободно; особливо во время вакацій ни единого дня не упускалъ, чтобъ не быть на вечерни и на литургіи, а на утреняхъ въ воскресные и праздничные дни. Въ церкви былъ первый изъ читающихъ и поющихъ; и какъ въ пѣніи былъ искусенъ, и ни въ чемъ исправнымъ церковникамъ не уступалъ; и уставъ церковный не худо зналъ, то любимъ былъ до зѣла священно и церковнослужителями и прихожанами, особливо кои также охотны къ пѣнію. И въ семь было его любимое упражненіе; и можно по истинѣ сказать, что не зналъ кромѣ трехъ мѣстъ, дома, церкви и школы. Никуда, даже весьма рѣдко, и къ сродникамъ хаживалъ, и хотя и отъ прихожанъ нѣкоторыхъ былъ часто приглашаемъ, но по нѣкоторой врожденной стыдливости или застѣнчивости всегда отъ того отрицался. На гуляніе также рѣдко куда хаживалъ. Единственно находился въ домѣ и вышеупомянутыми упражненіями себя занималъ; или урокъ училъ, и задачи сочинялъ, или читалъ, или что нибудь писалъ, или съ домашними и съ гостями разговаривалъ, или гулялъ лѣтомъ въ маленькомъ садикѣ, гдѣ почти и жилъ.

По сему свойству Петра могъ бы иной подумать что былъ онъ нрава меланхолическаго, дикаго и грубаго и не словоохотливаго. Нѣтъ, никакъ! былъ онъ нрава веселаго, словоохотливаго, любилъ свои разговоры прикрашивать шутливыми или забавными

словами; и въ разговорѣ своемъ все́мъ всегда правился, и находили все́ удовольствіе его слушать, или съ нимъ разговаривать, тѣмъ болѣе, что и красота лица, и написанная на немъ живо неповинность и непорочность нравовъ каждаго привлекали: ибо былъ откровененъ и искрененъ такъ, что казалось, душа его на лицѣ его и на устахъ его. Но лукавствовать и хитровать не зналъ; а послѣ, когда и узналъ, но всегда чувствовалъ къ тому ужасное отвращеніе. Но при всемъ своемъ таковомъ свойствѣ, былъ крайній уединенія любитель, чтобъ находиться только у себя дома, или съ малымъ числомъ вѣрныхъ пріятелей и друзей обходиться, съ коими бы не иначе могъ разговаривать, какъ самъ съ собою, безъ всякаго принужденія, со всею откровенностію. И потому все то что называется церемоніею, для него было несносно. И сію къ уединенію любовь сохранилъ онъ во всю жизнь. Къ женитбѣ не только никогда склонности не имѣлъ, но даже о томъ, когда было напоминаемо и слышать стыдился, не извѣстно почему, по расположенію ли какому отъ природы, или по особенному какому Божію устроенію; а единственно былъ склоненъ къ духовному званію, а паче къ монашеству. И сія склонность въ немъ открылась еще когда онъ былъ лѣтъ 20-ти. Ибо въ сіи отроческія лѣта часто въ шуткахъ представлялъ себя какъ бы монахомъ; иногда какъ архіерей, обѣими руками осѣнялъ, иногда четки перебиралъ и прочее подобное. Что тогда принималось было не только домашними, но и имъ самимъ за шутку; но Богу угодно было тайными своими судьбами вести его къ самому дѣлу.

Сія наклонность была причиною, что когда при открытіи въ Москвѣ университета, былъ онъ выбранъ и назначенъ въ студенты въ университетъ и когда другіе не только того хотѣли, но искали, Петрѣ

никакъ на то не согласился и совершенно отъ того отрекся, такъ и отъ другихъ свѣтскихъ ему предлагаемыхъ состояній“.

По окончаніи академическаго ученія Петрѣ, по представленію ректора Геннадія, у котораго онъ въ то время жилъ, обучая его племянниковъ, назначенъ былъ учителемъ піитики въ академію съ жалованьемъ по 170 рублей въ годъ. Сверхъ преподаванія піитики на него возложена была должность катехизатора, которая доставила ему громкую славу и имя московскаго апостола. Молодаго и ревностнаго проповѣдника весьма радовало живое вниманіе къ его проповѣдямъ со стороны многочисленныхъ слушателей. „Никогда, можно сказать, пишетъ Платонъ въ автобіографіи, во всю жизнь не былъ столько счастливъ Петрѣ, какъ при семъ случаѣ. Собраніе всякаго состоянія людей столь было велико, что никогда еще въ академіи того не случалось. Хотя палата была не мала, но тѣснота и духота была чрезмѣрная. Нѣкоторые изъ слушателей малыхъ своихъ дѣтей приводя, повергали къ каѳедрѣ къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они учителя слушали и помнили. Сіе умножало ревность въ Левшиновѣ: ибо онъ чрезъ два часа и болѣе толкованіе продолжалъ, обливаясь и измокнувъ весь отъ поту. Усердные слушатели изъ знаменитыхъ московскихъ купцовъ въ воскресные дни его посѣщали и все́мъ не только нужнымъ, но и до избытка его снабжали, притомъ провозглашали его въ своихъ разговорахъ апостоломъ московскимъ. По истинѣ Петрѣ, а послѣ Платонъ, симъ невидѣннымъ зрѣлищемъ столь пораженъ былъ, что нерѣдко говаривалъ, что онъ счастливѣе былъ въ Москвѣ, бывъ еще мірскимъ и по 20-му году, нежели когда въ томъ же градѣ Богъ сподобилъ его быть архіереемъ. Ибо бывъ архіереемъ, хотя также проповѣдывалъ слово

Божіе нерѣдко, и хотя собранія были велики и ревностны, но не примѣтилъ онъ столь великаго усердія и жадности въ слушателяхъ, какъ въ то время, когда онъ юноша и мірской толковалъ катихизисъ. Сіе приписывалъ онъ своимъ умножившимся грѣхамъ, коихъ и толикихъ еще въ юности своей не имѣлъ; а потому и благодать тогда дѣйствовала болѣе, нежели послѣ. Ибо онъ всегда утверждалъ, что ученіе, дабы было дѣйственно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителя“.

Успѣхъ и слава молодаго проповѣдника возбудили сильную зависть въ ученыхъ малороссахъ. Епископъ Переславскій Амвросій Зертисъ-Каменскій и членъ синодальной конторы потребовалъ къ себѣ проповѣди Левшина, нашелъ въ нихъ что-то предосудительное и порѣшилъ высѣчь его въ присутствіи всего академическаго состава и затѣмъ выгнать изъ академіи, но за него вступился ректоръ академіи, который въ поученіяхъ его не нашелъ ничего предосудительнаго. Все дѣло ограничилось одними толками, которые еще болѣе возбудили сочувствіе къ несправедливо гонимому молодому ученому. Слава объ немъ распространилась далеко за предѣлы Москвы и дошла до Петербурга.

Въ 1758 году архимандритъ Троицкой Лавры, придворный проповѣдникъ и членъ св. Синода Гедеонъ Криновскій пригласилъ даровитаго проповѣдника въ свою Троицкую семинарію *) въ учителя риторики: вслѣдъ за его письмомъ объ этомъ предметѣ пришелъ о томъ же указъ св. Синода. Это неожиданное назначеніе смутило Петра, „ибо онъ о томъ и

*) Троицкая семинарія въ Лаврѣ, основанная въ 1642 г., подчинена была архимандриту Лавры и учрежденному собору.

въ мысли не воображалъ, пишетъ Платонъ, да и не желалъ въ Лаврѣ быть, яко на мѣстѣ дотолѣ совѣмъ для него неизвѣстномъ. А желалъ въ ваканцію постриженъ быть въ Академіи, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ; ибо на то уже и указъ изъ св. Синода дозволительный воспослѣдовалъ. Да и ректору, любящему Петра, отпустить отъ себя не хотѣлось. И потому онъ даже отговаривалъ отрещись отъ постриженія, чѣмъ де однимъ можно отъ Лавры освободиться; и обѣщаль ему исходатайствовать лучшее въ духовенствѣ свѣтскомъ мѣсто. Но Левшиновъ столь былъ приверженъ къ монашенскому состоянію, что лучше захотѣлъ противу воли своей въ Лавру переселиться, нежели чтобъ монашество оставить. И такъ, по окончаніи годоваго въ академіи ученія, изъ Москвы въ Лавру отправился іюня 19-го дня 1758 года“.

Переселясь въ Лавру, Левшинъ сначала сильно грустилъ объ оставленной имъ академіи, но мало по малу сталъ привыкать „и наконецъ столь привыкъ, говоритъ онъ, что по самую смерть не было для него милѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста, паче Лавры“. Вскорѣ по прибытіи его въ Лавру пришелъ отъ архимандрита Гедеона указъ о постриженіи его въ монашество, и Петръ Левшинъ, еще въ школѣ мечтавшій о монашествѣ, былъ весьма утѣшенъ исполненіемъ давняго своего желанія. 14 августа 1758 года въ Лаврѣ постриженъ былъ въ монашество Левшинъ намѣстникомъ Лавры Гаврииломъ съ именемъ Платона въ честь бывшаго архіепископа Московскаго Платона Малиновскаго, а 30 августа посвященъ во іеродиакона митрополитомъ Тимофеемъ. Въ это время прибылъ въ Лавру архимандритъ Гедеонъ Криновскій, и Платонъ сразу сдѣлался его любимцемъ. *)

*) Гедеонъ Криновскій, имѣвшій большое вліяніе на служебное возвышеніе Платона, былъ родомъ изъ Казани, гдѣ учился, и провѣлъ пер-

Гедеонъ, котораго Платонъ назвалъ великимъ себѣ благодѣтелемъ, первымъ по родителямъ своимъ, былъ руководителемъ его въ проповѣдничествѣ, помогаль ему въ средствахъ содержанія и доставилъ ему случай пріобрѣсть извѣстность въ Петербургѣ. Нѣсколько разъ Гедеонъ вызывалъ Платона въ Петербургъ, гдѣ онъ сдѣлался извѣстенъ Димитрію Сѣченову, митрополиту Новгородскому, который его очень полюбилъ, другимъ іерархамъ, а также двумъ сильнымъ вельможамъ А. Г. Разумовскому и И. И. Шувалову. Шуваловъ, познакомившись съ Платономъ, такъ былъ восхищенъ дарованіями и образованіемъ его, что хотѣлъ представить его императрицѣ и отправить для дальнѣйшаго образованія въ Парижъ; но на это не согласился архимандритъ Гедеонъ. Въ 1759 году Платонъ въ Петербургѣ получилъ санъ іеромонаха и опредѣленъ префектомъ Троицкой семинаріи. Съ удовольствіемъ вспоминалъ Платонъ о своей жизни въ Лаврѣ во время службы при семинаріи. „Былъ отъ всѣхъ любимъ, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, особливо съ тогда бывшими властями обходился дружески и почти неразлучно. А власти были — намѣ-

вые годы службы учителемъ въ казанской семинаріи. Вслѣдствіе непріятностей съ начальствомъ онъ уѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Москву, гдѣ нашель себѣ пріютъ въ Московской Академіи. Здѣсь онъ слушалъ курсъ богословія, по временамъ говорилъ проповѣди и своимъ ораторскимъ талантомъ обратилъ на себя общее вниманіе. Въ 1753 году во время посѣщенія Москвы императрицею Елизаветою его услыхалъ И. И. Шуваловъ. По рекомендаціи Шувалова Гедеонъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сдѣланъ придворнымъ проповѣдникомъ. Чрезъ годъ онъ произведенъ былъ въ архимандриты и назначенъ членомъ св. Синода. Въ 1758 г. онъ получилъ настоятельство въ Троицкой лаврѣ, продолжая оставаться придворнымъ проповѣдникомъ. Скончался въ 1763 г. въ санъ епископа псковскаго. По свидѣтельству м. Платона, Гедеонъ „столь пріятно и сладостно произносилъ слова свои, что слушатели бывали какъ бы въѣ себя и боялись, чтобъ онъ не пересталъ говорить“.

стникъ Гавріиль, что нынѣ митрополитъ новгородскій, а по немъ Иннокентій, что послѣ архіепископъ псковскій, который въ семь 1799 г. и преставился въ Петербургѣ, келарь Іоаннъ который былъ новоспасскимъ архимандритомъ и тамъ скончался, казначей Антоній, который былъ олонецкимъ епископомъ, и тамъ преставился. Особливо Платону нравилось, что все въ Лаврѣ находилъ готовое, яко-то всегда довольный столъ, и напитки, и выѣздъ, и ни мало о томъ не заботился. Должность была для него не затруднительна; всѣми любимъ, съ учителями другъ, ни въ чемъ неоскуденъ, здоровъ и веселъ, и лѣтомъ весьма часто, со властями и со учителями посѣщали превеселое и милое загородное мѣсто, называемое Корбуха, гдѣ и баня лѣтняя была. Тамъ прогуливался Платонъ съ товарищами по садамъ и лѣсамъ, плавалъ по прудамъ, пристойными играми веселились, и въ дружескихъ, нерѣдко ученыхъ разговорахъ нечувствительно время проходило, при вкушеніи благовонныхъ испареній и при оглашеніи пѣніемъ разныхъ птицъ. По истинѣ то время было райское и весна лѣтъ Платоновыхъ“.

Въ 1761 году Платонъ назначенъ былъ ректоромъ семинаріи и учителемъ богословія. Въ слѣдующемъ году молодой ректоръ принималъ императрицу Екатерину въ семинаріи и говорилъ ей привѣтственное слово. Императрица спросила его: зачѣмъ вы пошли въ монахи? „По особой любви къ просвѣщенію“, отвѣчалъ Платонъ. Но развѣ нельзя пещись о просвѣщеніи въ мірской жизни? сказала императрица. „Можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя суеты мірскаго, сколько въ монашеской жизни, гдѣ человекъ по всему свободенъ“. Екатерина осталась довольна ректоромъ Платономъ и на слѣдующій же годъ приказала опредѣлить его намѣстникомъ Лавры.

Платонъ тяготился хлопотливою должностію намѣстника и думалъ отъ нея отказаться, но вскорѣ послѣдовала перемѣна въ его судьбѣ. Въ маѣ 1763 года Екатерина ѣздила въ Ростовъ для переложенія въ новую раку мощей св. Димитрія и остановилась въ Лаврѣ. Платонъ въ ея присутствіи сказалъ слово о пользѣ благочестія, которое ей такъ понравилось, что она велѣла тотчасъ его напечатать, выразила автору милостивое одобреніе и пригласила его къ своему царскому столу. „Случилось ему за столомъ сѣсть съ г. генераль-прокуроромъ княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который былъ тогда въ особливой у императрицы милости, разеказываетъ о себѣ Платонъ. Князь за столомъ съ намѣстникомъ непрестанно говорилъ о разныхъ матеріяхъ. Императрица, примѣтивъ сіе, говоритъ князю: „вы никакъ полюбили о. намѣстника, что не переставая съ нимъ говорите?“ На это князь: „это, Государыня, не чело-вѣкъ, а уродъ“. „Почему такъ? Какой онъ уродъ?“ возразила императрица. На сіе князь: „Я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь исправно отвѣтствуетъ и все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ. И какъ я его о многомъ и до иныхъ странъ касающемся вопрошалъ, онъ все такъ объяснялъ какъ будто въ чужихъ краяхъ учился. Я его спрашивалъ, не былъ ли онъ въ чужихъ краяхъ и гдѣ учился? Онъ говоритъ, что нигдѣ не былъ, а учился только въ Москвѣ, въ Спасской школѣ. Сіе все, Государыня, меня удивило, что сей монахъ, въ столь молодыхъ лѣтахъ, сколько знанія имѣетъ; и потому я его называю уродомъ“. И потомъ прибавилъ: „дай Богъ, чтобъ наши дѣти, столько учась и столько издерживая, до такого просвѣщенія достигли“. Таковой отвѣтъ князя много-увеселилъ императрицу, да и всѣхъ за столомъ си-

дящихъ взоръ и вниманіе на Платона обратилъ: ибо князь говорилъ весьма громко. Сіе слыша Платонъ внутренно Бога благодарилъ за такое милостивое судьбъ Его дѣйствіе“.

По возвращеніи императрицы въ Москву, Платонъ былъ вызванъ ко двору и ему объявлено было чрезъ графа Панина, что онъ назначается въ законоучители государя наслѣдника Павла Петровича. Возвратившись въ Лавру, онъ сдалъ намѣстническую должность, окончилъ къ Петрову дню уроки богословія и послѣ мѣсячнаго отдыха, простившись со слезами съ любезною Лаврою, отправился въ Петербургъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ августа 1763 г. О своей жизни въ Петербургѣ и занятіяхъ Платонъ пишетъ въ автобіографіи: „Платону опредѣлено отъ Двора жилище и содержаніе. Покои не худые отведены, въ бывомъ деревянномъ зимнемъ дворцѣ, что на Мойкѣ. Содержанія кромѣ 1000 руб. жалованья, положено на столъ 300 руб., по штофу водки въ недѣлю, по бутылкѣ ренвейну на день, меду, поллива, кислыхъ щей, дровъ и свѣчъ неоскудное число, бѣлье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопникъ и работникъ; а сверхъ того карета дворцовая съ парю лошадей и съ конюхомъ. Итакъ Платонъ началъ жить въ новомъ мѣстѣ и нѣсколько новымъ родомъ жизни. Ибо, привыкши жить въ монастырскомъ уединеніи тутъ окруженъ былъ мірекими, всякаго состоянія и пола людьми, въ томъ же дворцѣ живущими, что не очень ему нравилось; но радъ былъ, что тутъ же была и церковь, въ которой по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ исправляли службу дворцовые священники.“

Положено Великому Князю ученіе преподавать три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по часу, назначивъ къ тому 12-й часъ, а по воскрес-

нымъ и праздничнымъ днямъ предъ обѣденою читать священное писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволить. Итакъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ Великимъ Княземъ, августа 30-го дня, сказавъ рѣчь, въ коей, объяснивъ пользу сего ученія, увѣщевалъ высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому всякое вниманіе и прилежаніе. Великій Князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако высокій воспитанникъ, по счастію былъ всегда къ набожности расположенъ, и разсужденіе-ли или разговоръ относительно Бога и вѣры были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему вѣдрено было со млекою покойною императрицею Елизаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при томъ Великій Князь былъ особенно склоненъ и къ военной наукѣ, и часто переходилъ съ одного предмета на другой. Платонъ проходилъ свою должность съ надлежащимъ тщаніемъ, не упуская никогда назначеннаго дня и часа. Ободряло его то, что онъ отъ высокаго воспитанника имѣлъ счастіе весьма любимъ быть. А порядокъ ученія тотъ точно былъ слѣдованъ, какой имъ изданъ въ напечатанной богословіи. Между тѣмъ Платонъ, по своей волѣ и избѣгая праздности, а времени къ тому имѣя довольно, нерѣдко говорилъ проповѣди, всегда въ высочайшемъ присутствіи; особливо охоту его къ тому умножали, что оныя всегда заслуживали похвальные отзывы; а тѣ всѣ проповѣди напечатаны. Не оставлялъ также при Дворѣ въ большіе праздники служить съ придворными священ-

никами, вмѣсто духовника Дубянскаго, который по престарѣлости охотно на сіе соглашался, да еще упрашивалъ; и всякій годъ въ великій постъ Платонъ служилъ въ особой церкви и преподавалъ Великому Князю святое причастіе, къ коему всегда набожный воспитанникъ приступалъ со благоговѣніемъ и въ тотъ день былъ особенно доволенъ и веселъ. Когда отсутствіе Двора было въ Царское Село, Платонъ тамъ же имѣлъ пребываніе, а когда въ Петергофъ, тогда жилъ въ пустынь Новосергіевской и въ назначенные дни туда ѣздилъ“.

Во время своего пребыванія при дворѣ Платонъ особенно прославился какъ замѣчательный проповѣдникъ. Однажды императрица ему сказала: „о. Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ. Хочетъ, чтобы мы плакали,—мы плачемъ“.

Слухъ о проповѣдническомъ талантѣ Платона распространился за предѣлы Россіи и имя Платона сдѣлалось извѣстнымъ и за границей*). Живя въ Петербургѣ Платонъ познакомился съ образованными лицами петербургскаго общества и многими заѣзжими учеными иностранцами. Къ нему на обѣды и по вечерамъ собирались иностранцы: греки, сербы, французы, нѣмцы, итальянцы и др. Такое обширное знакомство было весьма полезно для Платона; оно доставило ему возможность ознакомиться съ французскимъ языкомъ и научило знать людей и свѣтъ.

Среди придворныхъ и лицъ высшаго петербургскаго общества Платону приходилось встрѣчать не

*) Европейскую славу доставили Платону проповѣди его въ 1770 г. по случаю побѣды русскаго флота надъ Турками при Чесмѣ. Вольтеръ, получивъ эту проповѣдь въ французскомъ переводѣ, писалъ императрицѣ Екатеринѣ: сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и нашихъ флотовъ, есть по мнѣнію моему знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ.

мало приверженцевъ модной въ то время французской философіи, проповѣдовавшей невѣріе. Строгий ревнитель вѣры—Платонъ горячо вставалъ противъ распространеннаго невѣрія и въ своихъ проповѣдяхъ и въ частныхъ разговорахъ. Извѣстенъ разсказъ о встрѣчѣ его съ философомъ Дидро. „Знаете ли, отецъ святой, философъ Дидро говоритъ, что нѣтъ Бога?“ такъ началъ французскій ученый свою бесѣду съ нимъ. „Это еще прежде него сказано“, замѣтилъ Платонъ. „Когда и кѣмъ?“ „Давидъ сказалъ: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ; а ты устами тоже произносишь“. Дидро, говорятъ, не зная, что на это сказать, только бросился къ законоучителю на шею и дружески его обнялъ.

Платонъ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ императрицы Екатерины, которой нравился его характеръ и образъ мыслей по церковнымъ вопросамъ, быстро возвышался на служебномъ поприщѣ. Въ 1766 году онъ былъ произведенъ въ архимандрита Троицкой Лавры и получилъ въ свое управленіе любимую Троицкую семинарію, о которой, живя въ Петербургѣ, дѣятельно заботился. Съ производствомъ въ архимандрита улучшилось и внѣшнее положеніе Платона. Онъ сталъ жить на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ, по его словамъ, „и покоевъ было довольно и церковь домовая, и услуга вся людьми и вещми готовая. А живучи въ придворныхъ покояхъ нѣсколько съ утѣненіемъ, и между свѣтскими, и въ поѣздѣ придворномъ всегдашнее находя затрудненіе, не безъ скуки иногда было ему. Притомъ новому архимандриту, по особенному ходатайству Великаго Князя, опредѣленъ не въ примѣръ прочимъ, штатъ пѣвчихъ съ подьяконами, 18 человекъ, съ опредѣленіемъ на нихъ жалованья по 1000 р. въ годъ. А самъ архимандритъ получалъ жалованья архимандричьяго по 2000 р., съ

нѣкоторыми отъ Лавры доходами, да сверхъ того отъ Двора все то содержаніе, что и прежде получалъ, да вмѣсто выѣзду изъ Государевой конюшенной суммы 500 р.“

Въ началѣ 1767 года Платонъ имѣлъ случай на нѣкоторое время посѣтить Троицкую Лавру. „Воспѣлъ Богу благодарственная Платонъ, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, узрѣвъ св. обитель и братію, которые ему всѣ почти были знаемы, и совершивъ божественную литургію, и сказавъ слово, какъ надлежитъ жить добрымъ монахамъ, входилъ подробно въ хозяйственное по Лаврѣ и семинаріи распоряженіе“.

Въ слѣдующемъ году Платонъ былъ назначенъ членомъ св. Синода, а чрезъ два года, 10 октября 1770 года, тридцати трехъ лѣтъ хиротонисанъ прямо во архіепископа Тверской епархіи, съ оставленіемъ въ должности настоятеля Лавры и законоучителя. Въ Тверь отпущенъ былъ Платонъ не надолго, а затѣмъ снова вызванъ въ Петербургъ для присутствія въ св. Синодѣ и занятій по должности законоучителя при наслѣдникѣ и потомъ при его невѣстѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Платонъ приобрѣлъ глубокое расположеніе великой княгини, такъ что она „не пожелала ни у кого исповѣдаться, кромѣ Платона, и была къ нему столь благосклонна, что иначе съ нимъ не обходилась, какъ съ своимъ искреннимъ другомъ“. По случаю брака великаго князя онъ сложилъ съ себя обязанности законоучителя и былъ отпущенъ въ свою епархію. Во время непродолжительнаго управленія тверскою паствою Платонъ много сдѣлалъ для благоустройства епархіи своими ревностными заботами о благочиніи среди духовенства и приведенія въ порядокъ дѣлъ епархіальнаго управленія, объ улучшеніи семинаріи, объ украшеніи храмовъ. Замѣчательныя черты архипастырской дѣятельности Платона изображены

имъ въ своей автобіографіи. „Въ управленіи паствы единственное его намѣреніе и ревность вся состояла въ томъ, чтобъ духовенство исправить, производя сколько возможно лучшихъ священниковъ, а худыхъ или исправляя, или неисправляемыхъ лишая званія. Былъ онъ совсѣмъ чуждъ отъ мздоимства; не только что почиталъ то противнымъ совѣсти, но и всегда представлялось ему подлою низостью, чтобъ отъ другаго что нибудь взять, который его бѣднѣе, да и какъ бы почитать себя ему одолженнымъ, и себя выставлять за такого бѣдняка, который безъ того, аки бы, не имѣлъ чѣмъ содержать себя. Итакъ совсѣмъ былъ чуждъ отъ постыднаго мздоимства; даже, когда чѣмъ его дарили пріатели его и друзья, стыдился онъ быть у нихъ какъ бы въ долгу и всегда чѣмъ нибудь ихъ взаимно отдаривалъ. Въ производствѣ дѣлъ не взиралъ Платонъ ни на сильныя лица, ни на просьбы, ни на слезы, коли то находилъ съ справедливою законною несообразнымъ и съ разстройствомъ общаго паствы порядка“.

Не оставлялъ архіепископъ Платонъ своими попеченіями и любимую Лаврскую семинарію. Онъ внимательно слѣдилъ за ученіемъ въ семинаріи, вводилъ новые предметы, писалъ инструкціи, занимался устройствомъ зданій семинарскихъ. Епархія Тверская нравилась Платону и онъ думалъ, послуживъ 12 лѣтъ, отказаться потомъ отъ управленія епархією и провести остатокъ жизни въ любимой Троицкой Лаврѣ, но Промыслъ назначилъ ему высшее служеніе. Въ началѣ 1774 года въ Тверь прибыла императрица и вручила Платону два указа для представленія куда слѣдуетъ. Прочитавъ эти указы, онъ видѣлъ, что въ одномъ велѣно Синоду перевести его изъ Твери въ Москву съ оставленіемъ въ должности настоятеля Троицкой Лавры, въ другомъ велѣно вы-

дать ему изъ казны 5000 р. Въ тоже время Потемкинъ доставилъ Платону отъ имени императрицы усыпанную драгоценными камнями панагію. Назначеніе на Московскую кафедру сильно смутило Платона. Обширная въ то время Московская епархія *) со времени открытія ея въ 1742 году **) управляемая архіереями малороссами ***) , страдала многими беспорядками и требовала преобразованій, а вводить эти преобразования въ Москвѣ было и трудно и опасно, какъ показалъ примѣръ предшественника Платона, Амвросія Зертисъ—Каменскаго, который своими крутыми мѣрами вызвалъ сильное раздраженіе въ духовенствѣ и народѣ и былъ убитъ въ 1771 году. Предстоявшіе великіе труды по управленію Московской епархією утешали Платона. Къ тому же онъ боялся собственнаго нрава. „И зная, и привыкши другимъ не ласкать, пишетъ онъ въ автобіографіи, а поступать единственно по собственному безпристрастному разумѣнію и по увѣренію незазорной совѣсти, не смотря ни на кого и ни на что, думалъ, что чрезъ то много на себя навлечетъ недоброжелателей, чѣмъ принудятъ его отказаться отъ сей епархіи или по своей волѣ, или противу воли его. Что нѣкоторымъ образомъ и сбылось“. Платонъ подалъ просьбу объ отставкѣ, но просьба была возвращена съ надписью Екатерины: „держусь моего указа“. Съ 8-го февраля

*) Въ составъ Московской епархіи входили города: Москва съ 6-ю десятинами, Калуга, Звенигородъ, Волховъ, Новосиль, Мценскъ, Чернь и Одоевъ съ ихъ уѣздами.

**) До этого года Московская епархія находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ св. Синода.

***) Московскую кафедру до митрополита Платона занимали слѣдующіе іерархи: 1) Іосифъ Волчанскій (1742—1745), 2) Платонъ, 1) Малиновскій (1748—1754), 3) Тимофей Щербатскій (1757—1767), 4) Амвросій Зертисъ-Каменскій (1768—1771 г.).

1775 года началось 37-лѣтнее славное служеніе преосвященнаго Платона въ первопрестольной столицѣ.

Управление Платономъ Московскою кафедрою составляетъ важную страницу въ исторіи русской церкви. Московская епархія подъ мудрымъ управленіемъ Платона быстро обновилась: духовныя мѣста въ ней наполнялись лицами достойными и образованными, производившее большой соблазнъ въ народѣ крестцовое или безприходное духовенство *) удалено изъ столицы, изданы распоряженія, много способствовавшія улучшенію нравственнаго характера духовенства и его быта **). Особенно архипастырь Платонъ заботился объ улучшеніи судебной части въ духовномъ вѣдомствѣ, ревностно возставая противъ распространеннаго въ то время мздоимства. „Ревностно прилежалъ къ отправленію дѣлъ епаршескихъ, коихъ было великое множество, пишетъ Платонъ въ своей автобіографіи, не щадилъ онъ ни труда, ни здоровья. Ибо непремѣнно, каждый день, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, съ 7 часовъ утра по 1-й, а иногда по 2-й часъ по полудни, упражнялся въ разбираниіи прошеній, въ даваніи на нихъ рѣшеній, или письменныхъ или словесныхъ, въ разсматриваніи дѣлъ отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ и въ рѣшеніи. Доступъ къ нему былъ всемъ не воз-

*) Отрѣшенные отъ мѣста священники приходили изъ разныхъ мѣстъ въ Москву и собирались на городскіе перекрестки (крестцы), нанимаясь служить обѣдни за самую малую плату, за 10 и 5 копѣекъ. Такіе священники назывались крестцовыми.

**) Памятникомъ заботливости митрополита Платона о духовенствѣ Московской епархіи служитъ составленная имъ инструкция благочиннымъ, которая много способствовала возвышенію духовенства изъ прежняго униженнаго состоянія. Въ этой инструкціи повелѣвалось благочиннымъ наблюдать, чтобы священники жили честно, постоянно, сановито; запрещалось употребленіе позорныхъ наказаній, которымъ подвергались прежде духовныя лица.

браненъ; и все дѣла и принималъ и разсматривалъ, и писалъ самъ собою безъ всякаго помощника; а подъячій только записывалъ и куда надлежитъ отсылалъ. Особливо же ревновалъ, чтобы сохранить правосудіе; и какъ самъ ни отъ кого ничего не бралъ, то и надъ подчиненными, сколько могъ, строго наблюдалъ, чтобы мздоимства не было и злонамѣренной проволочки. Стоило ему сіе не малаго силъ истощенія, но и утѣшало и ободряло то, что видѣлъ на все труды благословеніе Божіе, съ немалымъ къ лучшему успѣхомъ“. Платонъ привелъ въ цвѣтущее состояніе московскую духовную академію, полнымъ директоромъ и протекторомъ которой былъ назначенъ указомъ св. синода *), и любимую троицкую семинарію **), открылъ для образованія духовенства нѣсколько первоначальныхъ училищъ или семинарій, а именно—въ Перервинскомъ монастырѣ, въ Звенигородскомъ Саввинскомъ, въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ. Подъ своимъ управленіемъ и руководствомъ Платонъ воспиталъ цѣлую школу образованныхъ монаховъ—Платониковъ, которые впоследствии стали занимать высшія іерархическія мѣста, распространяя духъ и преданія своего учителя въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Свое архипастырское служеніе въ Москвѣ Платонъ ознаменовалъ ревностными заботами о благоустройствѣ храмовъ и монастырей, о благоговѣйномъ совершеніи Богослуженія и религіозномъ образованіи на-

*) При заботливомъ попеченіи Платона, который внимательно слѣдилъ за обученіемъ и воспитаніемъ духовнаго юношества, московская академія все болѣе и болѣе совершенствовалась и число учащихся въ ней умножалось. До Платона въ академіи было 300 учениковъ, а при немъ до 1600.

**) Троицкая семинарія была при Платовѣ образцовою, такъ что въ нее посылали изъ другихъ семинарій учениковъ для довершенія образованія.

рода *). Своимъ попеченіемъ о религіозныхъ потребностяхъ паствы, своимъ ораторскимъ талантомъ, умѣньемъ совершать Богослуженіе съ необыкновенною торжественностію архипастырь московскій пріобрѣлъ общую любовь народа. Славное архипастырское служеніе Платона въ первопрестольной столицѣ, оставивъ по себѣ глубокую память въ московской епархіи **), пріобрѣтя ему въ духовенствѣ названіе отца московскаго духовенства, глубокое уваженіе лицъ знатныхъ и образованныхъ, благоговѣйную любовь народа, имя его сдѣлало извѣстнымъ за предѣлами Россіи. Нерѣдко изъ-за границы пріѣзжали въ Москву образованные лица, чтобы видѣть знаменитаго московскаго іерарха и заявить ему свое уваженіе. Въ 1780 году Москву посѣтилъ императоръ Іосифъ II и, разсматривая подъ руководствомъ Платона достопримѣчательности Москвы, имѣлъ случай близко съ нимъ познакомиться. При свиданіи императрица спрашивала Іосифа: что онъ нашелъ достопримѣчательнаго въ Москвѣ, и получила въ отвѣтъ: „Платона.“

Въ первые годы своего правленія Московскою каѳедрою Платонъ ѣздилъ въ Петербургъ для присутствіи въ св. Синодѣ ***) , но потомъ „скачая присутствіемъ, по теченію дѣлъ, съ его мыслями и началами несходному, какъ онъ говоритъ самъ, и не

*) Въ 1775 г. Платонъ предписалъ: „чтобъ просвѣщеніе закона Божія сколько возможно болѣе въ народѣ распространилось, открыть публичное толкованіе катихизиса въ 7 церквахъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы. Катихизическія поученія правились народу и прихожане нѣкоторыхъ церквей стали просить Платона ввести въ ихъ церквахъ толкованіе катихизиса.“

**) Въ Московской епархіи и до сихъ поръ хранятся преданія о митрополитѣ Платонѣ и нѣкоторые изъ порядковъ, введенныхъ имъ въ церковной жизни, остаются неизмѣнными и до настоящаго времени.

***) Кромѣ занятій въ Синодѣ, Платонъ въ 1776 году занимался преподаваніемъ закона Божія новой невѣстѣ Великаго Князя Маріи Ѳеодоровнѣ.

видя въ сотрудиникахъ своихъ въ томъ содѣйствіи, которые поступали по своимъ видамъ, ища можетъ быть болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ“, рѣшился отказаться отъ званія члена Синода. Въ 1779 году Платонъ просилъ князя Потемкина исходатайствовать ему у императрицы дозволеніе остаться въ Москвѣ и не ѣздить въ Петербургъ. „Въ Петербургѣ, писалъ онъ Потемкину, никакойю особливую должностію я не обязанъ, а въ Синодѣ, сколько я знаю, во мнѣ болѣе надобности не состоитъ, и я тамъ бываю безъ всякаго упражненія. Но здѣсь въ епархіи моей многія прямо до меня относятся дѣла, коихъ рѣшеніе въ отсутствіи моемъ и для меня и для просителей съ немалыми соединено затрудненіями. Притомъ изволите знать положеніе здѣшняго города: когда не я, такъ долженъ же здѣсь быть другой архіерей, и какъ я думаю, что лучше оставаться мѣстному своему пастырю, нежели стороннему, оставивъ свою епархію“. На просьбу Платона императрица отвѣчала, что отдаетъ на его волю, — ѣхать или не ѣхать. Черезъ два года, въ 1782 году, онъ ѣздилъ въ Петербургъ для присутствіи въ св. Синодѣ, но уже въ послѣдній разъ. Въ это время Платонъ многomu не сочувствовалъ въ петербургской дѣятельности и съ свойственною ему откровенностію высказывался противъ нѣкоторыхъ мѣропріятій по духовному вѣдомству, что возбуждало противъ него неудовольствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ *).

Императрица стала относиться къ нему не съ преж-

*) Изъ писемъ митрополита Платона къ Амвросію Подобѣдову, митрополиту новгородскому видно, что ему пришлось въ Петербургѣ испытать огорченія. „Бывъ въ Синодѣ немалое время, видѣлъ таковыя искушенія: и сіе то меня убѣдило отсюда удалиться, какъ думаю, ваше преосвященство, довольно отъ меня наслышалось. Къ чему туда насъ сажаютъ?“ Письма митр. Платона къ Амвросію № 78.

нею благосклонностию. Переменѣ прежнихъ отношеній Екатерины къ Платону не мало содѣйствовалъ нерасположенный къ нему духовникъ императрицы протоіерей Памфиловъ. По вліянію Памфилова Платонъ долгое время не получалъ санъ митрополита. Московскій архипастырь имѣлъ при дворѣ высокаго покровителя въ лицѣ наслѣдника престола Павла Петровича, съ которымъ находился въ постоянной, и можно сказать, дружеской перепискѣ, но Императрица Екатерина была недовольна этимъ близкимъ отношеніемъ къ цесаревичу Платона и вслѣдствіе этого, какъ нѣкоторые думаютъ, стала относиться къ нему неблагоклонно *). Испытывая немалыя затрудненія по управленію епархіею вслѣдствіе непріязненнаго отношенія нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ, Платонъ сталъ тяготиться дѣлами и думать объ увольненіи на покой. Въ 1783 году онъ приступилъ къ построенію Виѣнскаго монастыря, гдѣ желалъ окончить послѣдніе годы свои въ тишинѣ. Объ этомъ онъ пишетъ въ своей автобіографіи: „по извѣстности архіепископу окружностей Лавры, всегда ему сіе мѣсто, гдѣ нынѣ Виѣанія, яко на красивомъ положеніи и при изобиліи водъ, но впустѣ оставленное, особливо нравилось. Хозяйственныя строенія и въ Чудовѣ, и въ Лаврѣ, и на Перервѣ и въ другихъ мѣстахъ, почти все къ окончанію пришли или приходили. А онъ особливую имѣлъ охоту къ строеніямъ. Притомъ началъ скучать правленіемъ епаршескихъ дѣлъ, не для того, аки бы его и дѣла отягощали, или паствою былъ не доволенъ. Нѣтъ! и къ трудамъ былъ онъ неутомимъ и паствою доволенъ. Ибо хотя и были нѣкоторые недовольные, какъ то безъ сего и пробыть нельзя, но

*) Отношеніе м. Платона къ Екатеринѣ и Павлу I. Чтен. въ общ. исторіи и древностей Россійскихъ. 1875 г. т. IV.

большею гораздо частію честныхъ и благонамѣренныхъ людей, таковыхъ недовольныхъ или роптанія, или отзывы были заглушаемы, и Платону не причиняли многого смущенія, или въ трудахъ ослабленія. Но нѣкоторые въ главной его командѣ или завистию подстрекаемы, или въ его оужденіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и Императрица, по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хоть не совсѣмъ, однако не мало уменьшила своей благосклонности; по всѣмъ симъ причинамъ начали по командѣ причинять архіепископу многія затрудненія, досады, приказныя привязки, и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія. Все сіе примѣчая и видя, Платонъ началъ скучать правленіемъ епархіи, имѣя ко всему ревность, но руки связываемыя. Всѣми сими обстоятельствами бывъ побужденъ, и притомъ всегдашній уединенія любитель, разсудилъ устроить вышеупомянутое ему милое мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ еще нѣсколько продолживъ правленіе епархіею, и приближаясь къ старости, отказаться отъ оной, и уединиться въ ту пустынь, и тамъ окончить послѣдніе свои годы въ тишинѣ. А чтобъ устроеніе сіе не перетолковано было отъ зложелателей въ худую сторону и не остановлено, положилъ тамъ устроить кладбище для лаврскихъ монашествующихъ, кои въ Лаврѣ погребались, а указами въ знаменитыхъ мѣстахъ было погребать воспрещено. Итакъ 1783 года и дѣйствительно приступилъ къ строенію во первыхъ церкви, а потомъ своихъ покоевъ, а далѣе мало по малу и другихъ строеній, такъ, какъ нынѣ все то видимо есть; и по причинѣ погребаемыхъ братій въ надежду воскресенія по примѣру Лазаря воскресшаго, наименовалъ оную Виѣаніею, и устроилъ нижній храмъ во имя

четверодневнаго Лазаря. И все строеніе архіепископъ производилъ своимъ собственнымъ коштомъ“.

Въ 1787 году Императрица на возвратномъ пути изъ Крыма прибыла въ Москву, гдѣ приняла Платона благосклоннѣйшимъ образомъ, и совершенно неожиданно для него наградила его саномъ митрополита. Объ этомъ обстоятельстве Платонъ въ своей автобіографіи рассказываетъ слѣдующее: „Когда Платонъ приготовился служить въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Успенскомъ соборѣ, куда и Императрица съ двумя своими внуками прибыла— Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, и совершалъ литургію; тотъ самый духовникъ, служа съ нимъ, который ему не желалъ митрополитомъ быть, вдругъ по Достойнѣ, по обряду помянѣнія его, наименовалъ митрополитомъ: помяни Господи митрополита нашего имрекъ, и проч. Платонъ сіе услышавъ, почелъ, что онъ въ насмѣяніе ему сіе говорить, воспрещалъ, чтобъ онъ при совершеніи святѣйшихъ таинъ сего не дѣлалъ, но онъ только отвѣтствовалъ, что такъ надлежитъ, и паки тоже повторилъ. Потомъ тотчасъ придворный протодіаконъ, сказавъ архіепископу, что такъ отъ Императрицы повелѣно, и провозгласилъ велегласно во всю церковь по обряду: митрополита московскаго и проч. Тогда узнавъ митрополитъ волю Императрицы, обратившись, поклонился Императрицѣ изъ царскихъ дверей, а паче возблагодарилъ Господа чудодѣющаго, продолжалъ служеніе. Таковымъ же образомъ Императрица хотѣла было поступить съ нимъ и въ Твери, чтобъ нечаянно провозгласить московскимъ архіепископомъ; но отмѣнила, сказавъ, что она боится, дабы отъ внезапности таковой чего ему не приключилось, какъ сказывалъ ему князь Потемкинъ. Удивился, и всегда потомъ продолжалъ Платонъ свое удивленіе таковому судебъ

Божіихъ непостижимыхъ устроенію. Когда ни мало о томъ не помышлялъ, среди служенія, внезапно по пропѣтіи Достойно есть въ присутствіи Императрицы и всего синклита и всего духовенства, въ первенствующей Россіи церкви, въ самый тотъ день, когда онъ родился и совершилось 50 лѣтъ, провозглашенъ митрополитомъ; да еще чрезъ самого того, который о томъ и слышать не хотѣлъ.

Все сіе произошло, какъ послѣ Платонъ услышалъ, такимъ образомъ, что Императрица въ самое служеніе приказала отдать указъ духовнику на имя Синода, и приказала ему и протодіакону его митрополитомъ провозгласить; но сіе отъ архіепископа было сокрыто. Послѣ обѣдни привѣтствовалъ Императрицу со днемъ торжественнымъ тезоименитства Ея Императорскаго Высочества, и возблагодаривъ за пожалованіе, приглашенъ былъ къ столу, гдѣ благосклонно принявъ его, Императрица, и разговаривая, пожаловала ему блюдо и солонку серебрянныя позлащенныя и хлѣбъ, поздравивъ его съ собственными именинами. А на третій день прислала на бѣлый клобукъ богатый брилліантовый крестъ. Итакъ симъ Платонъ бывъ обрадованъ, проводилъ Императрицу по надлежащему въ Петербургъ въ селѣ Всѣхсвятскомъ“.

Наградивъ Платона саномъ митрополита, Императрица однако не возвратила ему своего прежняго благоволенія. Это неблаговоленіе Императрицы, устранившее Платона отъ вліянія на церковныя дѣла, въ связи съ различными непріятностями и огорченіями, которыя ему приходилось испытывать отъ петербургскихъ властей и нѣкоторыхъ лицъ московскаго духовенства, а также и ослабленіемъ здоровья побудили его въ февралѣ 1792 года подать просьбу объ увольненіи отъ епархіи. На эту просьбу Императрица отвѣчала, что признаетъ заслуги митрополита, сожалѣ-

еть о его болѣзняхъ, но находить, что и безъ увольненія отъ епархіи можетъ онъ жить въ Лаврѣ сколько разсудить, а во время своего отсутствія можетъ поручить управленіе своему викарію *). Съ этого времени Платонъ болѣе проживалъ въ Лаврѣ и Виѳаніи, прїѣзжая въ Москву разъ или два.

Состояніе духа митрополита Платона въ это время изображаютъ письма его къ Казанскому архіепископу Амвросію Подобѣдову, съ которымъ онъ откровенно дѣлился своими мыслями и чувствами. Въ мартѣ 1792 года онъ писалъ Амвросію: „Я просился было объ увольненіи отъ епархіи, но не получилъ того, а оставлено на волю жить въ Лаврѣ, а правленіе поручить викарію, когда захочу. Не сего было я желалъ. Сами видите, что развязка не совершенная. Не однѣ немощи тѣлесныя препятствуютъ мнѣ продолжать управленіе, но самое управленіе рождаетъ во мнѣ скуку и тоску... Между тѣмъ синодскіе всячески стараются разрушить то, что могло бы служить къ моему спокойствію. Но препоручаю себя Богу и прошу васъ вспомоствовать мнѣ вашими молитвами“. Въ ноябрѣ 1794 года Платонъ писалъ: „Вы изволили писать ко мнѣ, яко бы въ чемъ предо мною согрѣшили и просите прошенія. Я не прощаю, а благодарю: ибо кромѣ любви и дружбы вашей къ себѣ не вижу. Прежде я васъ письмами задиралъ: ибо нѣсколько рулемъ общихъ дѣлъ правя, имѣлъ что писать. Но нынѣ все возвращается безъ меня: другіе на себя обращаютъ очи и перо. Слава Богу, что отъ такихъ безпокойствъ свободился, коими можетъ быть обезпокоилъ бы и другихъ; по крайней мѣрѣ наскучилъ

*) Епископа викарнаго въ Москву съ наименованіемъ его Дмитровскимъ епископомъ св. Синодъ назначилъ въ 1788 г. Первымъ Дмитровскимъ епископомъ былъ Серапіонъ, послѣ митрополитъ Кіевскій.

бы письмами. Теперь сижу въ Виѳаніи, да и мѣсто. Но міра каверзы и сюда досягаютъ. Я думалъ было за прежніе труды и заслуги получить, ежели не награду, то хотя похвалу, хотя уже щадѣніе. Но видно, что мало добра сдѣлалъ я, а самолюбіемъ самъ себя обманывалъ. Не могу сказать, чтобъ отъ людей я то заслужилъ. Но Богъ праведно мои грѣхи наказываетъ: предъ Его судъ входятъ грѣхи юности и невѣдѣнія и тайные. Прошу молиться, чтобы Милосердый явилъ мнѣ милость въ жизни, паче же въ кончинѣ, чрезъ Христа своего. Вы сіе письмо, можете подумать, что писано отъ великаго унынія. Никакъ! Я гораздо спокойнѣе, нежели мои обстоятельства требовали: и сіе не отъ мене: Божій даръ“.

Изъ писемъ митрополита Платона къ Амвросію, а также изъ нѣкоторыхъ выраженій въ его автобіографіи видно, что онъ не нашелъ для себя покоя въ томъ облегченіи, которое было ему предоставлено распоряженіемъ Екатерины. Изъ Петербурга шли запросы и распоряженія, доставлявшія ему немало тревогъ и огорченій, особенно при его чувствительномъ и склонномъ къ мнительности характерѣ. При томъ же, привыкнувъ къ обширной дѣятельности, Платонъ сучалъ, живя въ уединеніи, вдали отъ дѣлъ. Въ скорбныхъ и грустныхъ обстоятельствахъ благочестивый іерархъ находилъ единственное для себя утѣшеніе въ полной преданности Божіей волѣ.

Въ ноябрѣ 1796 года скончалась императрица Екатерина и на престолъ вступилъ царственный ученикъ Платона Государь Павелъ Петровичъ, всегда хранившій въ сердцѣ своемъ глубокое расположеніе къ бывшему своему законоучителю *). Престарѣлый

*) О такомъ расположеніи свидѣлствуютъ письма Государя Павла Петровича къ митрополиту. Въ этихъ письмахъ онъ называетъ себя вѣр-

іерархъ былъ утѣшенъ тѣмъ вниманіемъ, какое ему оказалъ Государь во время своего пребыванія въ Москвѣ и Лаврѣ въ 1797 году. О своемъ свиданіи съ Государемъ Платонъ въ своей автобіографіи рассказываетъ слѣдующее: „за день до пріѣзда Государева случилась Платону самая мучительная болѣзнь, какой Платонъ никогда не испыталъ. Былъ отъ жестокости мученія почти безъ памяти и чувствія. Въ самый день пріѣзда Государева нѣсколько болѣзнь облегчилась, однако такъ, что онъ съ трудностію могъ по покою пройти. Что дѣлать? Ѣхать-ли на срѣтеніе Государя, или нѣтъ? Ѣхать препятствовала крайняя слабость и чувствуемая по временамъ жестокая боль въ почкахъ; не Ѣхать опасался, чтобъ сіе не было принято въ одинъ видъ, и тѣмъ бы Государя на гнѣвъ не привести. Однако совсѣмъ такъ рѣшился, а паче по совѣту другихъ, поѢхать, и велѣлъ везти себя въ Петровскій дворецъ. Туда пріѣхалъ съ мученіемъ и легъ на лавкѣ, и ожидалъ прибытія Государева.

Предъ самымъ прибытіемъ нѣсколько болѣзнь отдала, такъ что онъ могъ выйти на крыльцо и срѣтить Императора и Императрицу. Государь, увидѣвъ его, сказалъ, что онъ очень радъ, что его увидѣлъ. Потомъ въ покоѣ привѣтствовалъ Государя пристойною рѣчью, тотчасъ отправился домой, куда какъ его отъ жестокости болѣзни привезли, едва помнитъ могъ. Легъ и былъ внѣ чувствія. Но тотчасъ отъ Государя посланный привезъ своеручное письмо, въ

нѣмъ другомъ Платона, неоднократно выражаетъ свое глубокое расположеніе и признательность ему за тѣ христіанскіе уроки, которые онъ отъ него слышалъ, дѣлится своими радостями и скорбями и нерѣдко открываетъ, что составляло тайну его души, извѣстную не многимъ. Сохранилось около 250 писемъ Государя Павла Петровича, писанныхъ къ Платону до кончины императрицы Екатерины. Письма эти въ подлинникъ хранятся въ бібліотекѣ Виенской семинаріи. Напечатаны въ Русскомъ Архивѣ за 1887 года № 5 и 6.

кoемъ, изъясняя свое удовольствіе за рѣчь, просилъ его на другой день пріѣхать къ нему, чтобы расплатиться, чѣмъ онъ обязанъ ему предъ собою и предъ свѣтомъ. Митрополитъ едва-едва могъ посланному сказать, чтобъ онъ донесъ Государю, въ какомъ его видѣть состояніи. На другой день по самомъ маломъ облегченіи, едва могъ подписать Государю письмо, что онъ крайне боленъ, и ежели хотя мало пооблегчится, не преминетъ явиться лицу его. По пяти дней, по маломъ облегченіи, явился къ Государю. Государь не медля его допустилъ, и тотчасъ по входѣ, ничего не говоря, возложилъ на него Андреевскій орденъ. По окончаніи сего Государь, посадя, долго съ нимъ разговаривалъ любовно. Итакъ его отпустилъ, оставляя у себя при столѣ; но онъ слабостію здоровья извинился. Потомъ Императрица ему показала всю Императорскую фамилію, которую всю имѣлъ счастье онъ видѣть въ первый разъ. Въ Великую субботу митрополитъ въ Чудовѣ служилъ и пріобщилъ всю Императорскую фамилію св. таинъ, по Государеву изволенію, и послѣ обѣдни былъ въ архіерейскихъ покоехъ, гдѣ стоялъ Государь Наслѣдникъ и благоклонно съ митрополитомъ разговаривалъ.

Въ теченіи сихъ дней Государь самъ собою далъ указъ въ Троицкой семинаріи быть больницѣ, съ назначеніемъ на оную по двѣ тысячи рублей въ годъ. По совершеніи коронаціи на другой день Платонъ былъ съ прочими духовными на аудіенціи и говорилъ привѣтственную рѣчь, потомъ на четвертый день былъ онъ у Государя, по случаю врученной ему отъ Государя 90,000 р. суммы на раздачу бѣднымъ, гдѣ долго Государь съ нимъ разговаривалъ и склонялъ, чтобъ Ѣхать въ Петербургъ, отъ чего митрополитъ всячески, представляя свою слабость и старость, отрицался. Къ чему и Императрица преж-

де много его уговаривала. Но онъ и ей тоже представлялъ. Въ разговорѣ своемъ Государь благоволилъ ему открыть многіе на него, митрополита, наговоры и безважные, которые всѣ были сущая и злобная клевета. Ибо многіе и свѣтскіе и духовные всемѣрно старались, и нынѣ, можетъ быть, стараются, чтобъ его до Государевой довѣренности не допустить *).

Слыша то, митрополитъ изъ устъ Государевыхъ, просилъ Государя, стоя на колѣнахъ, чтобъ онъ учинилъ правосудіе, повелѣлъ бы изслѣдовать; и ежели онъ окажется виноватъ, то его бы наказать по строгости законовъ, а ежели другіе окажутся клеветниками, то ихъ клевету и злобу унять. Но на сіе Государь не иное что говорилъ, какъ только, что ему о семъ говорили.

По коронаціи и по прошествіи праздниковъ Пасхи, митрополитъ, зная, что Государь намѣренъ посѣтить Лавру, ходилъ къ Государю просить его о посѣщеніи, и притомъ дозволилъ бы ему напередъ отправиться въ Лавру. Какое обѣщаніе и дозволеніе и получилъ. И Платонъ при слабости здоровья, которая продолжалась во всю бытность Государеву въ Москвѣ, отправился въ Лавру, куда пріѣхавъ, надлежащее къ принятію Государя Императора и высочайшей фамилии чинилъ распоряженіе.

Въ Лавру Государь Императоръ и съ Императрицею и со всею Фамиліею прибылъ 23 апрѣля къ вечеру, въ 8 часу. По надлежащемъ срѣтеніи и по входѣ въ покои архимандричьи Государь тотчасъ митрополиту говоритъ, что завтра будетъ обѣдать въ Виѳаніи.

*) При вступленіи на престолъ Павла Петровича многіе думали, что митрополитъ Платонъ по прежнимъ отношеніямъ будетъ въ особенной довѣренности у Государя. Нѣкоторымъ нерасположеннымъ къ Платону лицамъ такая близость его къ Государю была нежелательна и по этому они разными клеветами и наговорами старались повредить ему.

Удивился сему Платонъ и нѣсколько смутился; ибо все приуготовленіе сдѣлано въ Лаврѣ, а въ Виѳаніи ничего, кромѣ того, что покои были поубраны. Зная, что Государь Виѳанію посѣтитъ на полчаса или на часъ, и осмѣлился ему представить, что въ Виѳаніи покои малы и приуготовленія никакого для стола тамъ не сдѣлано. Но Государь подтвердилъ, что хотя въ уголку, но тамъ будетъ обѣдать. Послѣ сего поговорилъ Государь съ нимъ, что отмѣняетъ походъ свой въ Казань и о другихъ матеріяхъ, отпустилъ Платона готовиться къ служенію. На другой день, поутру, бывъ у Государя и кой о чемъ доложивъ, пошелъ на служеніе въ Троицкій соборъ, и служилъ, а послѣ обѣдни былъ молебень. Потомъ, возвратясь въ покои, и изъ оныхъ со всѣми посѣтилъ всѣ церкви и ризницу и потомъ семинарію, гдѣ привѣтствованъ былъ семинаристами, и принималъ все съ отличнымъ удовольствіемъ. Наконецъ отправился въ Виѳанію, гдѣ его паки митрополитъ срѣтилъ. Былъ въ большой церкви и изволилъ хвалить; потомъ въ домовою, которая ему еще больше понравилась, и хотѣлъ у себя такую сдѣлать. Потомъ и покои изволилъ похвалить, и говорилъ: вотъ какъ тѣсны у тебя покои; на что болѣе. Потомъ открывалъ нѣкоторые клеветническіе наговоры, которые ему внушали о Виѳаніи; а теперь, де, самъ вижу, что это неправда *). И видя митрополитъ, что Государь веселъ и хвалить, осмѣлился ему, яко въ шуткахъ, сказать: когда, Государь, все здѣсь удостоилось вашей похвалы, то хотя бѣ игуменство здѣсь благоволили учредить. Но Государь отвѣчалъ: „на что тебѣ игуменство? Ты самъ здѣсь

*) Нѣкоторые злонамѣренные люди распустили клевету, будто бы въ митрополичьихъ келліяхъ стѣны были оклеены письмами Государя къ Платону.

игумень". Потомъ пошли къ столу Государь Императоръ съ Императрицею и со всею Императорскою Фамиліею. Государь былъ веселъ, и весь столъ проговорилъ съ митрополитомъ, а между тѣмъ семинаристы разные читали разговоры изъ Географіи, изъ Исторіи, изъ Философіи и прочаго, что Государю весьма было угодно и семинаристовъ цѣловаль. За столомъ Государь дозволилъ въ семинаріи обучать Французскому языку, который былъ воспрещенъ. Послѣ стола скоро изволилъ отправиться въ Лавру, и приложившись къ мощамъ, хотѣлъ выходить изъ церкви. Но митрополитъ тутъ же поднесши всѣмъ образа въ благословеніе, подалъ Государю прошеніе о увольненіи его отъ епархіи. Государь, принявъ, спросилъ: что такое? На то Платонъ: Государь! извольте прочесть и увидите. Потомъ открывъ и нѣсколько усмотрѣвъ, сказалъ, что сему быть нельзя. И сколько митрополитъ ни просилъ, чтобъ явилъ милость, но онъ нѣсколько разъ повторилъ тоже: сему быть нельзя; вышелъ изъ церкви и сѣлъ въ карету, сказавъ только, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ въ Москву къ церемоніи, которая положена въ Преполовеніевъ день, при крестномъ ходѣ на Москву рѣку. По несчастью, наканунѣ прибытія день былъ хорошъ, и на другой день по отъѣздѣ, 25, самый теплый и прекрасный: а въ самый день присутствія весь день былъ дождь и самый густой туманъ; почему и дорога вся вдругъ испортилась, и въ Виѣаніи мѣстоположеніе не могло себя открыть, поелику и прудъ еще былъ подъ льдомъ, и въ лѣсу снѣгъ, а дорога очень грязна. Такимъ образомъ проводивъ Государя и отдохнувъ отъ трудовъ, митрополитъ отправился въ Москву 28 апрѣля, и по пріѣздѣ отправилъ службу и крестный ходъ; церемонія была великолѣпная. Государь самъ войсками командовалъ, гдѣ митропо-

литъ, осѣняя его крестомъ, и кропилъ святою водою Его и знамена, и все войско, по пути стоящее. Платонъ пошелъ въ Кремль во дворецъ, чтобъ принести благодареніе за посѣщеніе, но отказано.

На другой день пріѣхалъ къ нему отъ Государя секретарь его Трошинскій, съ объявленіемъ, что Государю Императору угодно учредить въ Виѣаніи второклассный монастырь и устроить при немъ семинарію; и потому повелѣлъ съ нимъ поговорить, на какомъ всему тому быть основаніи. Посланный понуждалъ, чтобъ о семъ положить не медля. Митрополитъ испросилъ подумать о семъ хотя до утра. И такъ на другой день подалъ записку, а по той запискѣ, на другой день, перваго мая, состоялся указъ, чтобъ Виѣанію сдѣлать второкласснымъ монастыремъ и учредить семинарію, и о прочемъ, что явствуетъ въ томъ указѣ, а между тѣмъ прислано 2000 р. на семинаристовъ Троицкихъ, а ректору часы золотые съ камнями. Поспѣшилъ митрополитъ принести благодареніе за таковыя милости, и ожидая во дворцѣ, вынесли ему отъ Государя брилліантовый орденъ Андреевскій, а Государыня Императрица въ день Преполовенія пожаловала ему крестъ золотой, изъ хрисопрасовъ и съ брилліантами, но и тогда до Государя не допущенъ.

Теперь полюбопытствуетъ кто знать, почему митрополитъ склонился подать Государю прошеніе объ увольненіи его отъ епархіи. На сіе рѣшеніе уже изъ предсказаннаго видѣть можно. Былъ онъ всегда къ уединенію склоненъ: всему предпочиталъ спокойствіе; былъ притомъ уже къ старости преклоненъ, достигши 60 лѣтъ. Всю почти изнуривши жизнь въ разныхъ и непрестанныхъ трудахъ и заботахъ, а нерѣдко и оскорбленіяхъ, притомъ частыми болѣзнями ослабляемый, ничего такъ не желалъ, чтобъ хотя

въ послѣдніе дни, по Павлову слову, распяться міру, то-есть такъ въ немъ жить, какъ бы въ немъ никакой нужды не было. Однако, какъ Государь его не уволилъ и пригласилъ въ Петербургъ, то уважая и сіе приглашеніе, туда собирался“.

Не хотѣлось митрополиту ѣхать въ Петербургъ, послѣднее пребываніе въ которомъ оставило въ немъ непріятныя впечатлѣнія и гдѣ было не мало сильныхъ недоброжелателей ему, но повинувась неоднократно приглашенію Государя, рѣшился отправиться туда ко дню рожденія Государя, къ 20 сентября. Но въ это время вліянія нѣкоторыхъ лицъ успѣли охладить въ Государѣ прежнее чувство расположенія его къ митрополиту и поэтому пребываніе его въ Петербургъ было для него не утѣшительно. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ митрополитъ Платонъ въ своей автобіографіи. „20 сентября въ Гатчинѣ представленъ бывъ лицу Государя, привѣтствовалъ его рѣчью съ днемъ рожденія, и поднесъ свои нововышедшія проповѣди. Государь принялъ его благоклонно и ласково, и оставилъ при своемъ столѣ. Прежде стола и во время онаго изволилъ разговаривать о разныхъ вещахъ обыкновенныхъ. Послѣ стола Государь всталъ съ Императрицею и, поклонившись, пошли въ свои покои, и только-то Платонъ Государя и видѣлъ. Подождалъ онъ въ покояхъ, и потомъ на квартирѣ нѣсколько времени, ожидая, не спросить-ли о чемъ Государь, и не прикажетъ-ли чего: но подождавъ и не получивъ ничего, отправился изъ Гатчины въ Петербургъ въ тотъ же день. Ожидаль митрополитъ на своемъ подворьѣ недѣлю, и двѣ, и три, и четыре, и пять, не будетъ-ли какого ему Государя приказанія, или не спросить-ли о чемъ, навѣдывался и отъ другихъ, не слышать-ли чего объ немъ, но ничего ни мало не послѣдовало,

не иначе, какъ бы митрополита и въ Петербургѣ не было. Скучалъ онъ таковымъ положеніемъ, при томъ былъ здоровьемъ въ Петербургѣ слабѣе, и для развлеченія мыслей посѣщаль нѣкоторыя мѣста въ Петербургѣ, не бывъ уже въ немъ пятнадцать лѣтъ. Въ Синодъ не ѣздилъ, не имѣя желанія и не смѣя безъ позволенія. Такимъ образомъ проживъ близъ шести недѣль во всякой о себѣ неизвѣстности, рѣшился митрополитъ писать къ Государю въ Гатчину, чтобъ дозволилъ ему возвратиться во свояси, гдѣ упомянулъ и о прежней просьбѣ, чтобъ отъ епархіи уволену быть. Сіе онъ учинилъ для того, что подлинно скучалъ, не имѣя о себѣ извѣстнаго ничего, да и не желалось въ Петербургѣ быть, а при томъ хотѣлось чрезъ то узнать и волю Государеву, что ежели онъ желаетъ ему остаться, то прикажетъ ожидать. Дня черезъ два получилъ письмо Государя, въ коемъ сказавъ, что сколь ни желалось ему, дабы онъ пожилъ съ ними подолѣе, но снисходя на его просьбу, увольняетъ его во свояси. Получивъ сіе, Платонъ радъ былъ, но вмѣстѣ и удивлялся, для чего же бы Государь его приглашалъ въ Петербургъ столь усиленно? Однако началъ собираться въ дорогу, а между тѣмъ писалъ къ Государю, благодаря, и при томъ испрашивая милости, чтобъ завести въ Лаврѣ типографію на собственный его коштъ. Но въ томъ присланнымъ отвѣтомъ, отказано, сказавъ, что онъ правиломъ поставилъ типографій не умножать“.

Послѣднее свиданіе митрополита Платона съ Государемъ было въ Москвѣ 10 мая 1798 года. Въ это свиданіе Государь не явилъ прежняго своего благоволенія къ митрополиту и даже выразилъ свое неудовольствіе на то, что обѣдня въ Успенскомъ соборѣ была отслужена ранѣе его прибытія, хотя было

предварительно объявлено, чтобы встрѣчи никакой не было и объдно отправляли-бы въ свое время.

Въ послѣдующее время Государь благосклонно отвѣчалъ на поздравительныя письма митрополита и исполнялъ нѣкоторыя его просьбы, но были случаи, когда Государь къ удивленію Платона не удостоивалъ его отвѣтомъ. 6 августа 1800 года митрополитъ торжественно совершалъ открытіе Виѣанской семинаріи, о постройкѣ которой онъ дѣятельно заботился, проживая въ Виѣаніи въ 1797 и 1799 годахъ. „Пресвященный митрополитъ, пишетъ онъ, почелъ за приличное и должное отрепортовать о томъ Государю Императору съ приложеніемъ семинаріи плановъ и фасадовъ и книжицы, съ какимъ обрядомъ открытіе семинаріи совершено. И какъ устройство семинаріи было единственное изобрѣтеніе и воля Государя Императора, то и надѣялся Платонъ, что сіе Государь приметъ съ удовольствіемъ; а можетъ быть и новою какою семинарію пожалуетъ милостію, но напротивъ къ сожалѣнію и удивленію своему, никакого на то не получилъ отвѣта, и осталось въ неизвѣстности, какъ оное все было принято. Потомъ, по обычаю, поздравлялъ Государя митрополитъ съ днемъ его рожденія, сентября 20 дня; и на то получилъ благосклонное соотвѣтствіе; и сіе письмо Государя Платону было послѣднее. Ибо хотя того же года Государя Платонъ и поздравлялъ съ праздникомъ Рождества и Новаго года, но на то никакого не удостоился получить отвѣта; что было тѣмъ для митрополита примѣчательнѣе, что никогда чрезъ столько лѣтъ не случалось, чтобъ Государь на письма его никакого отвѣта не благоволилъ прислать. А почему—Платонъ узнать никакъ не могъ, а только заключилъ изъ того нѣкоторое неблагопріятное къ себѣ Государево расположеніе“.

Въ началѣ 1801 года было объявлено о прибытіи

Государя весною въ Москву. Митрополитъ былъ весьма обрадованъ такимъ извѣстіемъ, потому что надѣялся удостоиться лучшаго благоволенія Государя и упросить его посѣтить Лавру и новоустроенную семинарію въ Виѣаніи. Но въ мартѣ пришла печальная вѣсть о кончинѣ Государя. Ранняя кончина Государя была событіемъ глубоко прискорбнымъ для митрополита Платона. „Поразило сіе Платона до внутренности, пишетъ онъ. Ибо онъ любовію привязанъ былъ къ Государю Павлу, пользуясь столько лѣтъ, отъ самаго его младенчества, дружбой его и милостію. И хотя нѣкоторыми обстоятельствами былъ онъ противъ Платона охлажденъ и нѣсколько отклоненъ, но зналъ Платонъ, что сіе происходило не отъ сердца, но отъ стороннихъ клеветъ и коварствъ; кои всѣ козни напругали, чтобъ лишить его довѣренности Государевой, опасаясь можетъ быть чрезъ него для себя чего нибудь непріятнаго, а по внутреннему расположенію Государь былъ всегда къ Платону преклоненъ; и при всякомъ благопріятномъ случаѣ надѣялся удостоиться прежней Государевой довѣренности и дружбы. Но судьбы Божіи невѣдомыя иначе опредѣлили. Получивъ Платонъ таковую печальную вѣсть, тотчасъ пошелъ въ храмъ Господень, чтобъ пролить усерднѣйшія молитвы о упокоеніи души преставльшагося Государя, своего друга и благодѣтеля, и совершилъ съ пролитіемъ горькихъ слезъ“. Получивъ завѣщанныя ему покойнымъ Государемъ трость съ набалдашникомъ, брилліантами и изумрудами богато осыпанную, и императорскую карету, Платонъ пролилъ, какъ онъ говоритъ, слезы радости и прискорбія, ибо лучше въ тысячу разъ желалъ онъ продолженія его жизни, нежели видѣть сіи напоминанія его кончины.

Въ 1801 году Платонъ первенствовалъ при коронаціи Государя Александра I и при этомъ произнесъ

знаменитое слово, переведенное потомъ на многіе европейскіе языки. Послѣ коронаціи Государь со всею Августѣйшею фамиліею прибылъ въ Лавру и посѣтилъ Виѳанію, гдѣ былъ въ церкви, въ покояхъ митрополита и въ семинаріи. При входѣ Государя въ семинарскую аудиторію, Платонъ поднесъ ему оду, а воспитанники произнесли привѣтственный разговоръ въ стихахъ. Въ это посѣщеніе Императрица Марія Теодоровна въ знакъ особеннаго благоволенія пожаловала митрополиту полное архіерейское облаченіе, а при отъѣздѣ изъ Москвы прислала ему бриллиантовую панагію и свой портретъ, осыпанный бриллиантами.

Въ царствованіе Александра I Платонъ болѣе проживалъ въ Виѳаніи, по временамъ оставляя свое Виѳанское уединеніе для непродолжительныхъ поѣздокъ въ Москву. Проживая въ Виѳаніи, Платонъ продолжалъ управлять епархіею при помощи своего викарія, занимался хозяйственными постройками *) въ Лаврѣ, изданіемъ своихъ сочиненій **) и дѣятельно заботился о благоустройствѣ Виѳанской семинаріи ***).

Между тѣмъ тѣлесныя силы митрополита Платона все болѣе и болѣе ослабѣвали. Его сильно беспокоили различныя болѣзненные припадки, какъ то: продолжительный кашель, по временамъ случавшаяся глухота, зубныя боли и боли отъ почечныхъ камней. Въ 1804 году, желая укрѣпить свое здоровье движеніемъ

*) Построеніемъ новаго зданія для Лаврской семинаріи.

**) Въ это время митрополитъ приступилъ къ изданію своей краткой російской церковной исторіи, которая долгое время употреблялась въ качествѣ руководства въ духовныхъ школахъ.

***). Памятникомъ заботливости митрополита Платона о Виѳанской семинаріи служить составленная имъ инструкція для Спасо-Виѳанской семинаріи, въ которой подробно обозначены предметы занятій для всѣхъ классовъ и опредѣленъ образъ жизни воспитанниковъ семинаріи.

и выполнить давнее желаніе, Платонъ, съ дозволенія Государя, предпринялъ путешествіе въ Кіевъ вмѣстѣ съ андроніевскимъ архимандритомъ Теофаномъ и протоіереемъ Казанскаго собора Іоанномъ Платоновымъ. Въ октябрѣ 1806 года, крайне мучаясь гемороидами, митрополитъ прибылъ въ Москву и жилъ то на своемъ подворьѣ, то въ Чудовѣ, то на Перервѣ, стараясь облегчить свои страданія кровопусканіемъ, но мало находилъ отъ этого пользы. Въ то время онъ отъ Троицкой Лавры, отъ Чудова и Перервинскаго монастыря и отъ себя пожертвовалъ въ пользу милиціи двадцать тысячъ рублей. „1807 годъ началъ митрополитъ, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, отслуживъ въ Чудовѣ монастырѣ, сказалъ проповѣдь, изъяснивъ, что онъ, по причинѣ ослабшаго здоровья, болѣе продолжать сего благословеннаго труда не въ силахъ, и принесши предъ церковію благодареніе Богу, что помогъ ему сей спасительный проповѣданія Божія слова подвигъ продолжать чрезъ цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ. И всѣ проповѣди въ 20 томахъ напечатаны. Потомъ болѣе чувствуя болѣзни и ослабѣвая силами, былъ еще пораженъ самымъ прискорбнымъ приключеніемъ. Жилъ при немъ племянникъ его родной, коллежскій ассессоръ Иванъ Федоровичъ Нестеровъ, который былъ единственною его помощію во всемъ хозяйствѣ, такъ что митрополитъ за нимъ ничего не зналъ: жилъ при немъ сорокъ лѣтъ. Онъ по кратковременной болѣзни, скончался отъ плерези, февраля 6 дня, на 52 году отъ рожденія. Сего случая не смогъ онъ снести равнодушно, но проливалъ потоки слезъ, къ совершенному болѣзни геморoidalной усиленію и изнеможенію силъ своихъ. Сіе тѣмъ болѣе его поражало, что остались послѣ покойнаго младая жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей, одинъ мальчикъ и трое дѣвочекъ. Самъ пошелъ на покой,

а ему оставилъ при слабости и старости многотрудное безпокойство. Онъ за ними ходить не умѣлъ, да и оставить ихъ по привычкѣ къ нимъ не могъ. Однако, какъ ни есть укрѣпившись и возложивъ надежду на Бога, возвратился изъ Москвы въ Виѳанію, марта 8 дня и съ племянницею и съ помянутыми сиротами: гдѣ пребываетъ, чувствуя нѣсколько лучше силъ своихъ противъ Москвы укрѣпленіе, упражняется по прежнему въ правленіи епаршескихъ дѣлъ и хозяйственныхъ“.

Среди постепенно усиливавшихся тѣлесныхъ недуговъ, Платонъ, въ Виѳанскомъ уединеніи находилъ для себя отрадное успокоеніе, но забота о благѣ епархіи не оставляла его и здѣсь. Изъ писемъ его къ Амвросію Подобѣдову, въ то время митрополиту Петербургскому и своему викарію Августину Виноградскому, видно съ какимъ живымъ и сердечнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣмъ, что касалось блага Московской епархіи и церкви вообще. Многие въ положеніи дѣлъ церковныхъ возбуждало скорбь въ Платонѣ. „Признаю, писалъ онъ къ Амвросію, что вы многими трудами отягощены; но за то и воздаяніе много отъ щедраго подвигоположника. Я живу конечно спокойнѣе, но по остатку ревности, воображая состояніе церкви, духовенства и христіанства, не могу не снѣдаемъ быть оною“ *). Хлопотъ и досады конца нѣтъ, писалъ въ генварѣ 1809 года митрополитъ своему викарію,—благослови Господи новый годъ благодію! Вотъ и префекта Евгенія берутъ. Когда бы хотя Филаретъ былъ возвращенъ **). Изъ Петербурга пи-

*) Письма къ Амвросію № 74.

***) Филаретъ Дроздовъ, впоследствии митрополитъ Московскій. Платонъ съ свойственною ему проницательностію замѣтилъ необыкновенныя дарованія Филарета и весьма имъ дорожилъ.

шутъ, чтобъ я ждалъ бѣды, какая еще бѣда угрожаетъ. Говорятъ о реформѣ консисторій и о посаженіи прокуроровъ. Это будетъ довершеніемъ золь. Намъ будетъ нечего дѣлать, или во всегдашней быть ссорѣ и безпокойствѣ *). Въ началѣ 1810 года митрополитъ Платонъ думалъ отказаться отъ управления епархіею. Извѣщая объ этомъ намѣреніи своего викарія, онъ писалъ: „Я думаю себя сколько нибудь утѣшить. Я намѣренъ все епархіи правленіе здать на васъ: ибо Императрица дозволила мнѣ жить въ Лаврѣ, а на то время здать правленіе викарію: я о томъ и Синодъ извѣщу. Благословите. Дѣлать нечего: я изнемогъ и духомъ и тѣломъ. Вы можете; вертитесь,— а мнѣ уже не подъ лѣты“ **). Платонъ продолжалъ управлять епархіею до іюня 1811 года. Въ этомъ году, чувствуя великое изнеможеніе силъ, чрезъ оберъ-прокурора Голицына, испросилъ у Государя увольненіе отъ управления епархіею. Въ маѣ слѣдующаго года митрополитъ для поправленія здоровья отправился въ Махру, и отсюда въ Москву, гдѣ разными способами старался укрѣпить изнемогавшія силы и сталъ чувствовать нѣкоторое облегченіе.

Возвратившись въ Виѳанію, Платонъ получилъ вѣсть о вторженіи въ Россію непріятелей, — вѣсть, которая по его собственному признанію, сильно разстроила его здоровье. „Вотъ до какихъ временъ я дожилъ!“ со скорбію воскликнулъ 75-ти лѣтній старецъ митрополитъ. 1812 годъ, тяжелый для Россіи, былъ послѣднимъ годомъ для Платона. Послѣдній годъ своей жизни онъ ознаменовалъ высокимъ патріотическимъ подвигомъ. Прежде нежели послѣдовало Высочайшее воззваніе о собраніи ополченія и о

*) Письма къ Августину 65.

***) Письма къ Августину 66.

пожертвованіяхъ на него, митрополитъ всѣмъ совѣтовалъ не щадить для сего никакой собственности. Когда пришелъ указъ изъ св. Синода о жертвованіяхъ со стороны духовенства, митрополитъ повелѣлъ открыть подписку въ Лаврѣ, Виѣаніи и Махрицкомъ монастырѣ. Подпиской онъ остался доволенъ и присоединилъ свое пожертвованіе—342 четвертныхъ имперіала. Когда Москва была взята непріателемъ, митрополита насильно увезли изъ Виѣаніи въ Махрицкій монастырь. 12 октября онъ возвратился опять въ Виѣанію и, получивъ вѣсть о выходѣ непріателя, сказалъ: „Москва свободна, и я теперь умру спокойно.“ Предчувствуя близкую кончину, Платонъ еще за три мѣсяца до смерти велѣлъ вынуть изъ могильнаго склепа, устроеннаго имъ въ Виѣанской церкви, свой гробъ, за 9 лѣтъ приготовленный. 11 ноября 1812 года великаго святителя не стало. Тѣло его было отпѣто въ Троицкомъ соборѣ въ Лаврѣ и погребено въ основанной имъ церкви Воскресенія Лазаря въ Виѣаніи. Надъ могилою Платона устроенъ скромный памятникъ съ надписью имъ самимъ сочиненною:

Здѣсь погребенъ тѣломъ

Преосвященный Платонъ, Митрополитъ Московскій, Архимандритъ Троицкія Лавры и сея Виѣанскія обители и при ней семинаріи основатель.

Внизу же стихи:

Читатель! вспомни всѣхъ судьбу;
Пролей о немъ свою мольбу,
Да въ Богѣ духъ его опочиваетъ,
Возставъ, и тѣло съ нимъ да возсіяетъ.
На землѣ суть временна и тлѣнна,
Непостоянна вся и перемѣнна.
Единъ покой на небесахъ;
Лети въ нихъ вѣры на крылахъ.

Кромѣ этого скромнаго памятника въ Виѣаніи все созданное митрополитомъ Платономъ служить краснорѣчивымъ памятникомъ ему, памятникомъ его великаго духа. Войдя во врата Платоновой обители, посѣтитель видитъ предъ собою замѣчательной архитектуры и оригинальнаго внутренняго устройства церковь, созданную по мысли и на иждивеніе Платона. Великихъ дарованій и глубокаго благочестія духъ святителя въ устройствѣ этого храма наглядно выразилъ два Евангельскія событія, которыя, по его мысли, имѣютъ союзъ таинственный—Преображеніе Господне и Воскресеніе Лазаря. Въ этомъ храмѣ всюду видимыя слѣды глубокой, проникнутой живою вѣрою, мысли и вмѣстѣ тонкаго вкуса храмоздателя возбуждаютъ въ душѣ память о великомъ іерархѣ. Высокая, искусно сдѣланная гора съ престоломъ на верху во имя Преображенія Господня, наглядно изображающая славное событіе на Фаворѣ, говоритъ намъ, что Платонъ, удалившись отъ славы мірской въ пустыню, любилъ останавливаться мыслию на будущей нашей славѣ. Вертепъ подъ горою, съ престоломъ въ воспоминаніе Лазарева Воскресенія, гдѣ митрополитъ приготовилъ себѣ могилу, свидѣтельствуешь, что мысль о смерти, соединенная съ надеждою будущаго воскресенія—была постоянною мыслию его. Изображеніе по хорамъ храма св. Отцевъ съ иконою Спасителя по срединѣ напоминаетъ изреченіе Платона, мужа великой учености, которое говаривалъ онъ въ назиданіе себѣ и другимъ: „вотъ Христова Академія и съ Ректоромъ своимъ“.

Въ 1796 году митрополитъ послалъ планъ своей Виѣаніи царственному своему ученику, наслѣднику Павлу Петровичу. Великій князь при видѣ плана понялъ мысли и чувства Платона при созданіи имъ Виѣаніи. „Сейчасъ получилъ я любезнѣйшее письмо

вашего преосвященства, писалъ Государь наслѣдникъ, съ столь желаннымъ мною планомъ. Планъ сей соотвѣтствовалъ совершенно ожиданію моему; понялъ и вкусилъ характеристику всего заведенія. Храмъ верхній и храмъ нижній, и дни ихъ. Закрыты вы отъ хлада Сѣвера и остраго Востока, Югъ благорастворяетъ, Западъ орошаетъ. Близъ васъ память тѣхъ, кои уже достигли тихаго пристанища. Въ Виѳаніи вы. Не вы одни обстоятельствами до нея доведены. Суть Виѳаніи и внутреннія, которыхъ истребить не могутъ“ *).

На правой сторонѣ отъ входа въ Виѳанскій монастырь стоитъ небольшой двухъ-этажный домикъ митрополита Платона. При входѣ въ него мы видимъ надпись у окна съ правой стороны: „не выноси сору вонь“. Надъ дверьми образъ Спасителя, писанный крестникомъ Платона по происхожденію Турченкомъ, Моисеемъ Петровичемъ Платоновымъ, съ слѣдующею надписью:

Трудовъ своихъ начатки тебѣ приношу

И съ милостію принять и благословить ихъ прошу.

Войдя въ келліи митрополита Платона **), посѣтитель невольно переносится мыслію къ тому времени, когда жилъ великій святитель. Здѣсь много напоминаній о той славѣ, какую онъ имѣлъ у своихъ современниковъ, много напоминаній о той благосклонности и глубокомъ уваженіи, какія питали къ нему царственные слушатели его уроковъ благочестія. Здѣсь предъ мысленнымъ взоромъ посѣтителя какъ живой выступаетъ Платонъ въ своей домаш-

*) Письма цесаревича Павла Петровича къ митрополиту Платону Рус. Арх. 1887 г. № 6.

***) Подробное описаніе келлій можно находить въ брошюрѣ: „Виѳанскія келліи митрополита Платона и ихъ убранство.“

ней жизни, съ своими склонностями и привычками. Предъ своимъ домомъ митрополитъ поставилъ скромный памятникъ, который увѣковѣчилъ событіе, знаменательное въ его жизни и въ исторіи основанныхъ имъ учреждений — посѣщеніе Виѳаніи Государемъ Павломъ I и учрежденіе здѣсь второкласснаго монастыря и при немъ семинаріи.

Основанная митрополитомъ Платономъ Виѳанія, въ которой такъ много напоминаній о его славномъ имени, хранить въ памяти народной великаго іерарха русской церкви. Посѣщающіе Виѳанскую обитель, гдѣ сокрыто тѣло святителя, но живъ еще его духъ, разносятъ славу его имени по обширному нашему отечеству. Для болѣе полного представленія о святителѣ Платонѣ къ приложенному здѣсь портрету его присоединимъ описаніе тѣлеснаго и душевнаго характера его, сдѣланное имъ самимъ.

„Росту онъ былъ средняго, а именно 2 арш. 6 верш. съ половиною; лице круглое и бѣлое, по большей части съ румянцемъ; въ молодыхъ лѣтахъ отличное, красивое, чего черты и въ старости были видимы. Чело высокое, гладкое, а посреди на немъ рубецъ отъ ушиба въ молодыхъ лѣтахъ. Носъ и уста соразмѣрные лицу; щеки полныя, глаза величины средственной, сѣроголубые. Взоръ по большей части веселый или тихопріятный, но не задумчивый. Брови высокія, не густыя, сѣроватыя; борода окладистая, не длинная и не густая; волосы на головѣ въ молодыхъ лѣтахъ свѣтлорусые, продолговатыя, а за пятьдесятъ лѣтъ стали короче и всѣ на головѣ и на бородѣ сѣдые и бѣлые. Походка простая, природная, безъ всякаго притвору, но не медлительная, а скоровата. Голосъ свѣтлый, тенористый, рѣчь по большей части живая и съ жаромъ, а потому нѣсколько скорая. Разговоръ пріятный, ибо по благодати, весе-

люю улыбкою, а иногда и смѣхомъ растворимый и сопровождаемый движениями рукъ, соответствующими словамъ и мыслямъ. Весь станъ не толстъ, а умѣренный и ни въ чемъ не вышедшій изъ природнаго размѣра. Въ священнодѣйствіи и проповѣданіи слова Божія вся его осанка была наипаче привлекательна, особливо, что онъ служеніе совершалъ тихо и кротко, наблюдая пристойность и благоговѣніе“.

Описывая свой душевный характеръ, Платонъ изображаетъ отличительныя черты его, не скрывая и тѣхъ, которыя не нравились нѣкоторымъ его современникамъ. „Свойства его отличительныя были прямодушіе и искренность, пишетъ Платонъ. Почти все то было у него на языкѣ, что на сердцѣ, а потому былъ свободенъ въ словахъ и не скрывалъ другихъ пороки или страсти, за что не мало терпѣлъ. Изъ сего же источника выходило, что онъ тайну хранить съ трудомъ могъ. Все то нѣкоторые толковали, что происходитъ отъ гордости, хотя въ самомъ дѣлѣ тому причиною была не гордость, но прямодушіе, и что онъ не могъ что нибудь скрывать въ себѣ. Обходился со всѣми просто, ласково, и яко по братски, хотя бы были и низкаго состоянія люди, да еще съ ними простѣе и ласковѣе, находя ихъ добросердечнѣе. И потому до него доступъ всѣмъ былъ ни мало не затруднительный. У всѣхъ самъ прошеніе принималъ и со всѣми разговаривалъ, входя во всякую подробность. Также любилъ и безъ зависти похвалялъ, ежели въ комъ усматривалъ особенныя дарованія, и ихъ ободрять и по возможности награждать за удовольствіе почиталъ. Но нѣсколько гордъ былъ противъ гордыхъ. Для него несносны были тѣ, въ коихъ онъ примѣчалъ, что они сами собою надменны; и потому онъ обыкновенно обходился съ ними холодно-презрливо, думая тѣмъ ихъ унижить

и усмирить. А какъ въ таковыхъ или неуважительныхъ нѣкоторые счастіемъ были возводимы на такія степени, что въ руки попадались имъ отличные случаи и довѣренности, а онъ при всемъ томъ своего къ нимъ неуваженія не скрывалъ, за что они ему довольно метили, не оставляя никакого случая къ оскорбленію его, или, какъ они говорили, къ униженію его гордости *); ежели на комъ, то на немъ сбылась сія пословица: „и не вскормя, и не вспоя, врага не увидишь“. Кои подъ его правленіемъ или опекою выросли, обучились, кои имъ были къ должности произведены, имъ были любимы, коимъ онъ благодѣтельствовалъ и съ коими онъ не иначе обходился, какъ съ своими друзьями, тѣхъ то самыхъ онъ рѣдко находилъ благодарными. Отъ постороннихъ и имъ совершенно незнаемыхъ людей болѣе видѣлъ къ себѣ почтенія и любви. Можно сказать, что онъ былъ честолюбивъ, не въ той силѣ, чтобы употреблять какіе либо или происки, или просьбы къ полученію чести. Сего онъ ни въ себѣ, ни въ другихъ терпѣть не могъ. Всякія чести или должности сами собою до него доходили безъ всякихъ происковъ, или ласканія какимъ либо сильнымъ людямъ; отъ сей низости онъ весьма былъ удаленъ. Но можно было назвать его честолюбивымъ, что онъ все къ тому относилъ, дабы себя отъ другихъ отличить и заслужить уваженіе, и не было для него оскорбительнѣе и несноснѣе, какъ слышать, ежели кто объ немъ худаго мнѣнія, да отзывался бы объ

*) Здѣсь можно видѣть указаніе на отношеніе Платона къ нѣкоторымъ лицамъ высшаго Московскаго духовенства, которыя, имѣя у себя сильную поддержку среди вельможъ и придворныхъ императрицы, разными причинами ему оскорбленія. Изъ такихъ лицъ извѣстенъ протоіерей Архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ, который, находя себѣ поддержку въ Петербургѣ, вель борьбу съ митрополитомъ.

немъ съ униженіемъ, особливо въ дѣлѣ несправедливомъ, Его было въ сихъ случаяхъ то свойство, что онъ или презиралъ такого рода людей, или ежели къ тому удобность была, старался ихъ унижать. Не былъ онъ сребролюбивъ; ибо не только взятокъ никакихъ не бирывалъ, но и гнушался тѣмъ и умножать своего богатства никакихъ способовъ не только постыдныхъ, но и дозволительныхъ не употреблялъ. А какъ онъ былъ къ хозяйству весьма склоненъ и крайне наблюдалъ, чтобъ ничего излишняго и безъ причины не употреблять, чрезъ что архіерейскій домъ, и Лавру и Перерву привелъ въ весьма нескучное и благоустроенное состояніе; то по всему сему считался скупымъ. Былъ онъ собственнымъ своимъ имуществомъ не бѣденъ, имѣя все то единственно отъ не малаго, имъ получаемого жалованья и другихъ законныхъ доходовъ, а при томъ былъ онъ удаленъ отъ роскоши всякой и содержалъ себя весьма умѣренно, но не низко и подло, потому и достатокъ его умножился. А что онъ самою вещью былъ не скупъ, доказываютъ то не малые его вклады и вещами и деньгами въ Лавру, Троицкую и Виванскую семинаріи, въ Павловскую больницу и другія, также устройство Виваніи собственнымъ коштомъ. Дѣлалъ, сверхъ сродниковъ, не малыя снабдѣнія и частнымъ людямъ, но не инымъ, развѣ о коихъ увѣренъ онъ былъ, что они люди добрые, но всеѣмъ тѣмъ бѣдные и содержанію своему способанйти немогущіе, а ко всякимъ прошайкамъ, безъ всякаго объ нихъ свѣдѣнія, былъ не расположенъ. Не нищіе его, но онъ нищихъ искалъ; былъ онъ весьма чувствителенъ, такъ что и малое его трогало, особливо въ старости, когда прирожденная его нравовъ веселость нѣсколько уменьшилась. И какъ притомъ былъ крайне любопытенъ, то всякіе, доходив-

шіе до него, неприятные слухи не мало его беспокоили. И потому былъ нетерпѣливъ и къ гнѣву склоненъ, но скоро отходчивъ и непамятозлобенъ, такъ что скоро о томъ приходилъ въ раскаяніе, а о причинѣ гнѣва и всеѣмъ зыбывалъ, и послѣ съ прогнѣвававшими его не иначе обходился, какъ бы ничего не бывало. Духъ, колико можно назвать, имѣлъ великій въ предпріятыхъ и въ отважныхъ вызовахъ и словахъ. Почитаемъ было въ нѣкоторыхъ упрямымъ; но онъ почиталъ то твердостію. Ибо подлинно, по большей части держался своихъ мыслей и внутреннихъ увѣреній; и потому, что наиболѣе находилъ другихъ мнѣнія и совѣты или неосновательными или пристрастными; а еще болѣе его въ томъ утверждало, когда онъ, послушавъ другихъ, противъ своего увѣренія что дѣлалъ, мало въ томъ удачи было; а болѣе онъ успѣвалъ и лучше оканчивалось, когда поступалъ по собственнымъ своимъ мыслямъ. Однако сіе не такъ строго должно взять, чтобы иногда нерѣдко и другихъ мнѣнія и совѣты онъ не принималъ, отставая отъ своихъ. А болѣе упряметвомъ почиталось то, что онъ противу собственного увѣренія и справедливости, ни на чьи просьбы и ходатайства не взиралъ. Отъ невоздержанія къ пьянству былъ удаленъ и пьянствующихъ терпѣть не могъ. Былъ дѣятеленъ и въ рѣшеніи дѣлъ скоръ, такъ что его слишкомъ заботило, ежели что надлежало сдѣлать и имъ не сдѣлано; и чтобъ безъ всякаго упражненія находиться почиталъ скукою. Однако нерѣдко, не мало времени проходило у него въ прохаживаніи, или сидѣніи, разговаривая съ пріятелями. Ибо хотя былъ уединенія любитель, но скучалъ быть одинъ и всегда одинъ или два при немъ находилось, съ которыми онъ могъ бы откровенно разговаривать. Но множества людей, особливо ежели

съ ними надобно обходиться церемоніально и неоткровенно, всемірно избѣгалъ.

Былъ отъ младенчества расположенъ къ благочестію и набожности. Не было для него пріятнѣйшаго упражненія, какъ быть въ храмѣ и воспѣвать величіе Божіе. А потому весьма усерденъ былъ ко украшенію храмовъ, что доказываютъ самые храмы, имъ устроенные или украшенные, и многіе вклады. Ежели бъ у него было что собственное, и оно служило бы ко украшенію храма, съ радостію то отдавалъ. Въ самомъ отрочествѣ не опускалъ никакого случая, чтобъ въ церкви вымести, вычистить и убрать. Изъ сего выходило, что онъ зѣло любилъ обряды церковные, и ихъ великолѣпіе старался умножать, такъ что въ его время служеніе его едва ли гдѣ было въ большемъ благолѣпіи и блистательности. Но внутреннюю набожность свою, сколько возможно, скрывалъ, дабы она извѣстна была единому Богу. И потому зѣло отвращенъ былъ отъ всякаго суевѣрія и ханжества, и ненавидѣлъ суевѣровъ и ханжей. Почиталъ, что истина вѣры ничѣмъ столь не опорочивается и не унижается, какъ примѣсю лжей суевѣрныхъ и ханжескихъ, чего много во многомъ съ сожалѣніемъ усматривалъ. Зѣло ревностенъ былъ къ чести духовенства и церкви. Весьма чувствительно его оскорбляло, что по большей части духовенство находилось неисправнымъ, и потому мало уважаемымъ и презираемымъ. Но услаждало и веселило его духъ, когда что открывалось къ славѣ церкви и къ чести духовнаго чина. Къ проповѣданію слова Божія былъ охотенъ, что доказываютъ проповѣди его, все въ свѣтъ изданныя. Также любилъ въ церкви читать и пѣть; вѣрилъ, что во всѣхъ искушеніяхъ и печаляхъ развратнаго міра ни что столь человѣка утѣшить не можетъ, какъ простое и ис-

креннее упражненіе въ благочестіи. О смерти часто говаривалъ, чтобъ съ нею, по его словамъ, нѣсколько заранѣе подружиться, „дабы заранѣе съ меньшимъ страхомъ ее пришедшую встрѣтить.“ Прямодушіе, откровенность, простое обхожденіе, безкорыстіе, живость, горячесть, чувствительность были свойствами отца Платонова; а набожность, хозяйство, бережливость, склонность сохраненію чести и ревность къ ней, были свойствами его матери“.

Въ сохранившихся разказахъ о митрополитѣ Платонѣ особенно рѣзко выступаютъ нѣкоторыя изъ особенностей его характера.

Откровенный Платонъ высказывалъ все, что было у него на душѣ. Послѣ одного обѣда во дворцѣ, другъ Платона, митрополитъ Петербургскій Гавріилъ, замѣтилъ ему, что онъ много и откровенно говорилъ за столомъ. Платонъ отвѣчалъ: „Меня все разумѣютъ говорунуомъ и не сердятся, а васъ напротивъ все разумѣютъ за скромнаго; итакъ, когда вы выпустите какое либо лишнее слово, тотчасъ поймутъ его на бѣду.“ Впрочемъ откровенность Платона, какъ онъ и самъ признавалъ, подвергала его неприятностямъ. О простотѣ обхожденія его рассказываютъ, что онъ охотно вступалъ въ бесѣды и съ убогимъ поселяниномъ, и простымъ церковнослужителемъ, подробно входилъ въ ихъ нужды, съ участіемъ сердобольнаго отца помогалъ имъ то совѣтомъ, то дѣломъ. Нерѣдко видѣли его за умѣренной трапезой съ виѣанскими богадѣльниками, или съ троицкими, виѣанскими и перервинскими семинаристами. Въ простые дни самъ онъ отправлялъ крылосную должность, читалъ часы и апостолъ за обѣднею, самъ подавалъ служащему іеромонаху кадило и теплоту и пѣлъ за дьячка. Платонъ былъ горячъ, но скоро отходчивъ. Одинъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ,

извѣстный композиторъ по церковной музыкѣ, Коломенскій, пробирался однажды пьяный домой мимо двери, ведущей въ комнаты митрополита; почему то ему представилось, что митрополита нѣтъ дома и онъ гаркнулъ какую то пѣсню. Платонъ выбѣжалъ въ корридоръ, сильно взволнованный этою дерзостію, и тутъ же велѣлъ посадить виновника въ тюрьму. Коломенскій, ведомый подъ руки, тутъ же запѣлъ ирмосъ: „Безумное велѣніе мучителя злочестиваго люди поколеба“. Это было такъ кстати, что Платонъ невольно разсмѣялся и простилъ виновнаго, приказавши отвести его вмѣсто тюрьмы на койку. Платонъ скрывалъ, сколько возможно, внутреннюю набожность, дабы она извѣстна была единому Богу, но иногда свидѣтелями его глубокаго благочестія были и люди. Разъ въ лѣтній день онъ пошелъ съ преосвященнымъ Серафимомъ, своимъ викаріемъ, прогуливаться въ Виѣанскую рощу и вспомнивъ, что нѣтъ съ нимъ платка попросилъ преосвященнаго возвратиться въ его келлію и принести платокъ. Серафимъ, исполнивъ порученіе, пришелъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ Платона, но его тутъ не было. Послѣ же малаго времени онъ нашелъ его въ глубинѣ рощи, стоящаго на колѣнахъ съ воздѣтыми, руками къ небу. Подождавъ полчаса, Серафимъ подошелъ къ Платону и увидѣвъ, что вся передняя сторона рясы смочена слезами, сказалъ: „Владыко святыи! зачѣмъ вы такъ изнуряете себя?“ „Ахъ братъ,—отвѣчалъ Платонъ, возставъ отъ молитвы, не изнуряю, но облегчаю себя“.

Духъ живой вѣры и глубокаго благочестія сообщилъ Платону даръ предвидѣнія. Когда Москва была взята французами, онъ предрекъ, что Лавра не увидитъ въ стѣнахъ своихъ враговъ. Однажды онъ предсказалъ Мерзлякову, что онъ долженъ сдѣлаться

писателемъ, хотя ранѣе не видѣлъ его и ничего не зналъ о немъ. Почитаемый многими за свое благочестіе при жизни, митрополитъ Платонъ и по смерти многими почитается какъ усердный молитвенникъ предъ Богомъ за людей. Жители Лавры и ея окрестностей, и не только Лавры, но и другихъ мѣстъ, вѣруютъ въ благодатную помощь и заступленіе святителя Платона и обращаются къ нему въ случаѣ болѣзни своей или своихъ близкихъ. Обычай многихъ приходитъ ко гробу свято-почившаго святителя съ вѣрою въ его помощь способствуетъ еще большому прославленію его славнаго имени въ Россіи.

